

Эрнест Вуд

СЕМЬ ЛУЧЕЙ

*Важный и проливающий много света труд.
Ч. У. Ледбитер*

Часть I

ИСТОЧНИК ЛУЧЕЙ

Как есть семь Дхату (основных субстанций в человеческом теле), так и в человеке и во всей природе есть семь сил. Истинная субстанция Сокрытого (Солнца) есть ядро Матери-субстанции. Это Сердце и Утроба всех живущих и существующих сил в нашей Солнечной Вселенной. Это ядро, из которого исходят, чтобы распространяться в своем циклическом странствовании, все силы, которые, исполняя свой основополагающий долг, запускают в действие атомы, и это Фокус, в котором они вновь встречаются в своей Седьмой Сущности каждый одиннадцатый год. Посмейся над тем, кто скажет тебе, что видел Солнце, как если бы он сказал, что Солнце действительно ежедневно движется [вокруг Земли]...

Именно в силу этой семеричной природы древние говорили о Солнце, как о влекоме семью конями, числом равным размерам стихов в Ведах; или, что хотя в светиле своём оно и тождественно семи ганам (классам существ), оно воистину отлично от них; а также, что у него есть Семь Лучей, ибо оно действительно имеет их.

Семь Существ в Солнце — это Семь Святых, саморожденных из силы, присущей утробе Матери-Субстанции. Это они посылают семь основных сил, называемых лучами, которые, при начале пралайи, сосредоточатся в семь новых солнц для следующей манвантары. Энергия, из которой они входят в сознательное существование в каждом солнце, есть то, что некоторые люди называют Вишну, что есть Дыхание Абсолютности.

Из оккультных афоризмов, процитированных в "Тайной доктрине".

Глава I СТОЛП СВЕТА

При изложении в этой книге идей о лучах, которое, надеюсь, будет ясным, я не вижу способа избежать вещей довольно абстрактных, первой из которых будет утверждение об универсальности Бога, или Брахмана, которого некоторые считают находящимся далеко на возвышенном плане где-то за пределами нашего зрения. В действительности же Саччидананда Брахман* — здесь и сейчас, перед нами и с нами каждый день. Проанализируйте весь мир своего опыта, и вы

обнаружите, что он состоит из трёх частей: во-первых, в нём есть масса предметов всех видов, которые материальны на любом плане, каким бы высоким он ни был; во вторых, в нём есть множество живых существ, у которых в разной степени развито сознание; и в третьих — вы сами. Первый из этих трёх — мир сата, бытия; второй — мир чита, сознания, а третий — это ананда, счастье, истинное "Я".

* Термин "Брахман", среднего рода, прилагается ко всей троице (Шива, Вишну, Брахма), но Брахма мужского рода — третий член этой троицы.

Это будет понятно лучше, если мы вспомним историю о великом столпе света. Великий Нараяна — Вишну, душа и жизнь вселенной, тысячеглазый и всеведущий, покоился на своём ложе, теле великого змея Шешы, или Ананты, бесконечного времени, свернувшегося в водах пространства, потому что была ночь бытия. Затем Брахма, великий творец бытийного мира, именуемого сат, пришёл к нему, коснулся его рукой и сказал: "кто ты?". И между ними возник спор о том, кто из них более велик. Когда он уже угрожал стать яростным, между ними появился великий столп огня и света, несравненный и неопиcуемый, поразивший спорщиков настолько, что они забыли о своей ссоре и согласились поискать конец столь удивительной вещи. Вишну тысячу лет погружался вниз, но не мог найти его основания, а Брахма тысячу лет возносился вверх, но не мог найти его вершины. Оба вернулись обескураженные. Тогда им явился Шива, чья природа — ананда, и объяснил им, что они едины в нём, своём высшем владыке, столпе света, который триедин, и что наступающий век Брахмы должен быть рождён из Вишну, который должен будет заботиться о нём, пока в конце его они оба снова не увидят своего высшего господина.

Люди иногда думают, что возносясь вверх, они могут найти Бога, но истина в том, что если даже тысячу лет они будут падать вниз от своего нынешнего состояния, они не найдут Богу конца. Это не значит, что когда он здесь, он невидим нам и неизвестен. Он здесь, видимый и знакомый, ибо мир, который мы видим своими глазами — его сат, сознание, которое нам известно — его чит, а "я", которое мы не можем не утверждать — его ананда. Каждый из нас — тот столп света, как бы мы ни двигались в пространстве бытия или во времени сознания. И ни одному человеку никогда не убежать от этих трёх реальностей — он не может сказать "меня нет"; он не может сказать "я бессознателен", и наконец, не может поступить иначе, кроме как основывать своё знание на внешнем мире бытия. Хотя могут быть миллионы миров внутри миров и существ внутри существ, сат, чит и ананда присутствуют везде, и везде они в единстве. Вещи, которые мы видим, трогаем, слышим, нюхаем и пробуем на вкус — это сат, истинное существование, и в этом мире бытия никакому человеку не убежать от того, на что мы все полагаемся — от свидетельства чувств, даже если его ясновидение будет простираться через все возможные планы вверх по столпу света.

Бог-Вселенная, Саччидананда Брахман, который не состоит из трёх реальностей, соединённых вместе, но есть То,* распространяется во времени и пространстве, что мы называем проявлением, где качества сата и чита действуют среди таинственных циклических изменений, происходящих в жизни вечного сверхсущества.

* Здесь необходимо местоимение, совмещающее три рода, но в единственном числе.

И мы оказываемся в таком вот двойственном мире материи и сознания, двух великих начал — пассивного и активного. В VII главе Бхагавад-гиты Кришна говорит: "Земля, вода, огонь, воздух, эфир, манас, буддхи и ахамкара — таково восьмеричное подразделение моего проявления". Последнее слово здесь — "пракрити", переводимое иногда как "природа" или "материя", но слово "проявление" лучше передаёт его смысл, поскольку "слово пракрити" происходит от корня "кри" — "делать", с приставкой "пра" — что значит "вперёд". Некоторым изучающим может показаться странным, что эти восемь проявлений упоминаются вместе, как бы образуя один класс, и названы в следующем стихе "моим низшим проявлением". Но для этого есть веская причина, ибо они действительно принадлежат к одному классу, хотя и распадаются внутри него на два подразделения, состоящих из первых пяти и последних трёх соответственно. Первые пять обозначают пять планов человеческой эволюции: земля — это физический план, вода — астральный, огонь — ментальный, воздух — буддхический, а эфир — атмический, или нирванический. Санскритское слово, переведённое здесь как эфир — акаша, и она считается коренной материей вышеперечисленных планов. Для нашей нынешней цели их можно считать одним миром, имеющим пять степеней плотности материи, не обращая внимания на переходы между ними и рассматривая его как единый мир, в котором эти оттенки незаметно переходят друг в друга, от самой высшей точки до самой низшей.

Остальные три подразделения "моего проявления" — манас, буддхи и ахамкара. Это знакомая теософам триада атма-буддхи-манас. Они — три силы или способности сознания. Ахамкара буквально означает "я-делание" и совпадает с теософической идеей атмы. Манас — это способность, которой сознание познаёт материальный аспект мира; буддхи — это то, что узнаёт сознание внутри этого мира; а ахамкара или атма — это то, что индивидуализирует эти опыты, тем создавая для каждого из нас "мой мир" и "моё сознание". Эта последняя способность знает единое Я, но проявляет его в тысячах и миллионах кажущихся "я".

Помещая сознание и материю в один класс, Кришна не подразумевает, что сознание в каком-то отношении выше материи. Мы не должны думать, что сознание проявляется в пятеричном мире откуда-то свыше; материя и сознание — равные партнёры, два аспекта одного проявления. Дело обстоит не так, будто жизнь, или сознание, проявляется в материальном мире сверху вниз с разной степенью силы. Мир — в такой же степени есть мир жизни, как и мир материи; они перемешаны и в целом в равной мере.

Чтобы понять это, рассмотрим следующее. На физическом уровне мир кажется нам миром материи. Она столь очевидна, вездесуща, важна, и занимает такое доминирующее положение, что нам вообще с трудом удаётся распознать на этом плане хоть какую-нибудь жизнь, и даже тогда мы находим лишь точки или искры её в людях, животных и прочих существах. Он выглядит в значительной мере как великий мир материи, в котором воплощена лишь малая толика жизни. Вступая на астральный план, обнаруживаешь изменение — материя там преобладает

несколько меньше, а жизнь чуть более видима — силы сознания более влиятельны, а материя не столь жестка и неподатлива, и ставит меньше препятствий. На следующем уровне, нижнем подразделении ментального плана, жизнь присутствует в ещё более заметной степени, а материя не так преобладает. Таким образом, эти три уровня — физический план, астральный и низшая часть ментального — составляют область, о которой можно сказать, что материи там больше, чем жизни.

Теперь рассмотрим высший из пяти планов. Здесь условия совершенно противоположны тем, что преобладают в физическом мире. Это великое, никогда не застывающее море сил сознания. Когда посвящённый четвёртой степени впервые вступает на этот план, то сразу он вообще не может обнаружить там материи или формы. Там так же трудно найти материю, как на физическом плане трудно найти сознание. Некоторое свидетельство этого можно увидеть в попытках описания нирванического плана, предпринятых Ч. Ледбитером в статье о нём во втором томе книги "Внутренняя жизнь".* В том сравнении, которое мы приводим, условия буддхического плана будут противоположны условиям астрального, а условия высшего ментального — условиям низшего ментального.

* В сокращённом однотомном русском издании это раздел IV. — *Прим. пер.*

И если гость из какого-то иного состояния бытия посетит наше пятеричное поле проявления, то если ему случится войти туда на физическом уровне, он опишет его как мир материи, в которой есть точки жизни, центры сознания, но если он коснётся его на уровне атмическом (или нирваническом), он назовёт его миром сознания, в котором имеются некоторые точки материи.

Эти принципы показаны в следующей таблице:

БОГ-ВСЕЛЕННАЯ						
Брахма: сат		Вишну: чит			Шива: ананда	
(мир вещей: земля, вода, огонь, воздух, эфир)		(мир сознания: атма, буддхи, манас)			(я, подлинная жизнь)	
СЕМЬ ПРИНЦИПОВ						
Тамас (материя)	Раджас (энергия)	Саттва (естество)	Крия (манас)	Джняна (буддхи)	Иччха (атма)	Представлен майей
7	6	5	3	2	1	4

Глава II СОЗНАНИЕ

В индусской и теософической литературе для указания на три существенных компонента сознания используются термины иччха, джняна и крия. Обычно их

вполне верно переводят как воля, мудрость и деятельность, но значение этих слов в данном контексте не будет верно понято без ясного осознания того, что они относятся к состояниям сознания и ни к чему иному.

Эти три состояния сознания соединяют существо, обладающее ими, с тремя великими мирами — иччха, или воля, соединяет его с Я; джняна, или мудрость — с миром самого сознания; а крия, или деятельность — с миром вещей, или бытия. Потому джняна — это сама суть сознания.

Увидев огромный диапазон этих трёх состояний, мы можем осознать неадекватность их английских наименований, которые фактически привлекают внимание в основном к позитивному их аспекту, то есть касающемуся их внешнего действия. А ведь сознание всегда двойко — оно восприимчиво (может узнавать) и активно (может влиять), иначе говоря, оно обладает способностями и силами. Так и каждое из трёх состояний является и способностью, и силой.

Иччха — наше сознание себя, а также сила воли. Джняна — наше сознание других, а также сила любви. Крия — наше сознание вещей, а также сила мысли.

Ни на каком плане, никаким ясновидением нельзя увидеть сознание. Увидеть можно только существо, а сознание можно лишь переживать, и конечно, оно может быть пережито любым сознательным существом. Давайте осознаем, что каким бы великолепным в сравнении с другими вещами ни был тот аспект, в котором дживатма, или живое я, проявляется в виде существа на высших планах, всё же он принадлежит к миру вещей, сату. А сознание ни в какое время и ни на каком плане не подвержено ограничениям сата, или же, если выразить тот же факт иным способом, который впрочем не лишён опасности неверного понимания, оно может быть и есть сразу везде, и может переходить из одного места в другое без необходимости преодоления разделяющего их пространства. Оно проходит лишь через время. Если, например, я попрошу вас перейти из одного места в другое, а когда вы сделаете это, спрошу: "Что вы делали? Двигались ли вы?", я должен ожидать такого ответа: "Я думал; я воспринимал движение тела".

Человеческие существа могут узнавать о положении и движении своих тел лишь благодаря заключению, сделанному из наблюдения через чувства. Если вы легли спать на боковой полке плацкартного вагона, и поезд идёт ровно, вы не можете сказать, едете ли вы головой вперёд или назад; но подняв штору и посмотрев на проносящиеся огни и прочие предметы, вы делаете вывод об этом и передаёте телу предполагаемое ощущение о движении в определённом направлении.

Если понять эту свободу от пространственных ограничений, которой пользуется сознание, и памятовать о ней, то можно получить верное представление о природе его воли, мудрости и деятельности.

Чит, или сознание		
Форма	Осознание	Действует как
Иччха	себя	сила воли

Джняна	других	сила любви
Крия	вещей (объектов)	сила мысли

Когда люди говорят о Боге, то как правило они не думают о Вселенском Боге, о котором я говорил, но представляют того бога, который являет собой высшее сознание нашей Солнечной Системы. Он — единое сознание, которому причастны мы все — оно не поделено между нами, но вместе с ним мы участвуем в нём. Это великое сознание, называемое теософами нашим солнечным логосом, демонстрирует три способности — к воле, к мудрости и к деятельности. В сущности он Вишну, но его воля приводит его в соприкосновение с Шивой, а его деятельность — с Брахмой. Но по аналогии аспекты этого Вишну тоже называются Шива, Вишну и Брахма. Хотя эти персонификации могут ввести в заблуждение, я упоминаю их, поскольку хочу рассказать историю о том, как Вишну сотворил свой мир.

Самым первым, владеть творческой силой, или божественной деятельностью, был послан Брахма. Чтобы людям это было понятно, в книгах говорится, что он совершал свою работу сидя в медитации, и что при его медитации силой его мысли миры обретали форму. Такой была его деятельность. Тем, кто после него вступил в материальный мир и наполнил его жизнью, был Вишну, а затем там появился Шива со своей силой, которая есть "Я".

Истинный Брахма — вне сознания, но не этот Брахма, поскольку он — лишь олицетворение крийи нашего солнечного логоса. Я рассказал эту историю просто чтобы показать, что творение — это не действие, совершаемое в пространстве руками и ногами, а то, что мы называем мыслью. Материя пространства мира сата испытывает касание силы крийи и под её влиянием принимает форму.

БОГ ВСЕЛЕННОЙ				
БРАХМА (бытие)	ВИШНУ (сознание)		ШИВА (счастье)	
	Солнечный логос			
	Вторичный Брахма (солнечная крия)	Вторичный Вишну (солнечная джняна)	Вторичный Шива (солнечная иччха)	

Глава III СИЛА МЫСЛИ

Что верно относительно сил сознания Вишну, верно и применительно к силам каждого человека, ибо все наши способности — часть этого великого сознания, точно так же, как материалы наших тел, вместе с их свойствами, взяты из великого моря материального бытия. Именно мысль каждого человека и составляет его

человеческую деятельность. Рассматриваем мы вселенское или же с виду отдельное и частное существо, деятельность эта является двойкой. Во-первых, её можно обнаружить в способности различать, которая стоит за всяким восприятием. Никакой человек не воспринимает пассивно. В сознании нет такой вещи, как пассивное восприятие изменений, и всякое восприятие скорее имеет характер выглядывания из окна, чтобы посмотреть, что происходит. Вещи мира сами никогда не ворвутся в чьё-либо сознание. Но сознание, когда активно, открывает себя к восприятию вещей, и таким образом у него есть аспект, который мы с большой осторожностью можем назвать негативным. Во-вторых, сознание также действует и позитивным образом, так что каждая мысль несёт с собой ту власть над вещами, которую употребил в начале своею мыслью солнечный Брахма. Эта истина о деятельности сознания, как отличной от деятельности материи решает проблему действия и бездействия, которая беспокоит столь многих изучающих Бхагавад-гиту.

В западном мире относительно вопроса соотношения воли и желания существует самая безнадёжная путаница, и ведётся много споров о том, какая же из этих сил движет тело и тем вызывает его деятельность. Решение этой проблемы в том, что ни воля, ни желание не приводят тело в действие непосредственно. Единственная сила, имеющая дело с вещами — это мысль, или крия, и именно силой мысли, крияшакти, было выстроено тело и совершаются все его действия, которые не рефлекторны. Чтобы проиллюстрировать это, я замечу, что когда вы берёте со стола ручку, вы делаете это силой мысли. Наблюдатели могут сказать, что они видели, как вы взяли её рукой, но это мысль подняла руку. В европейскую психологию проблеск истины касательно этого предмета внесла теория мсье Эмиля Куэ, согласно которой всегда, когда в уме человека возникает конфликт между волей и мыслью,* побеждает именно мысль. И это верно, в чём мы убедимся, если вспомним о результатах действия в мире и также обратим внимание на то, что термин "воля" использован здесь неверно. Теория верна, но её выражение в словах неудачно.

* Указывалось, что в связи с этим часто используется слово "воображение". Однако при таком применении оно указывает на образ в уме — то есть установившуюся мысль, некую ступень в процессе мышления. Мышление подобно ходьбе. Вы опускаете ногу и ставите её на землю, а затем наклоняете тело, используя ногу как точку приложения сил тела к земле. В конце движения вы ставите другую ногу, а первую освобождаете, опирая тело на новую точку опоры. Так и в мысли чередуются переход и равновесие. Мыслеобраз — это равновесие (мысль или идея), переход от него к другому — мышление, когда процесс логичен. Чем же процесс воображения отличается от процесса мышления, объяснено в главе XIV. Нужно различать воображение как процесс и создание и силу мысленных образов.

Этот пример хорошо показывает власть ясного и устойчивого мысленного образа над телом, и её можно применить для того, чтобы вернуть телу здоровье или помочь его поддерживать, как заявляет мсье Куэ. Эта сила действует постоянно и множеством других способов, которых люди обычно не замечают. Известный американский коммерческий художник Кларенс Андервуд, изобразивший "школьницу с хорошим цветом лица" для знаменитой марки мыла, рассказывает, как сила мысли задала форму лица и тела его маленькой дочери. Он рассказывает: "Много лет назад я внезапно прекратил рисовать блондинку, которая занимала

всю мою работу, и начал рисовать девочку. Люди спрашивали меня, кто она, но я по правде не мог им сказать. Она определённо не была ни моделью, которую я тогда использовал, ни какой-либо комбинацией нескольких моделей. Она была собой, и по крайней мере для меня она была идеальным типом. Моей маленькой дочери, Валери, тогда было шесть лет, и она очень любила эту темноволосую девочку. Она могла прийти в студию, стоять за моим стулом и смотреть, как я рисую, пока её не обнаруживали и не выводили, против чего она протестовала. Это лицо, с небольшими вариациями, я рисовал многие годы. Будучи уже пятнадцатилетней девушкой, Валери стала живой копией этого лица, нарисованного мною много лет назад. Я знаю, что причиной этого была её любовь к этим портретам и восхищение ими. Мои старые друзья, увидев мою дочь, удивлённо восклицали, видя это сходство, ведь когда я написал их, она была лишь малышкой, лицо которой походило на лицо на холсте не в большей степени, чем моё собственное. Её внешний вид изменился, чтобы соответствовать нарисованному лицу, которое она любила, и то же самое может случиться с любой девочкой. Сегодняшняя американская девушка приближается к идеалу художника гораздо больше, чем сама может об этом знать."

В Америке вера в эту силу нынче очень распространена, и неудивительно, что некоторые из знаменитых художников этой страны считают, что создавая прекрасные образы человеческих лиц и форм они играют важную роль в быстром развитии великолепной новой нации. Хорошо отпечатанные копии их картин сотнями миллионов распространяются через журналы и красивые рекламные плакаты этой страны — ведь красота завоевала реальное и прочное место в американской коммерции. Молодые люди обоих полов, а часто и старшие, смотрят на эти изображения и хотят "выглядеть, как они". М-р Харрисон Фишер говорит, что когда девушка сильно восхищена увиденным ею типом красоты, то думая о нём, она бессознательно приводит себя в некоторое сходство с изображённым лицом, и это доказанный эффект, который замечал всякий художник. М-р Ховард Чандлер Кристи, чьё мнение постоянно учитывается на американских конкурсах красоты, утверждает, что женщины Америки за короткое время прибавили несколько дюймов роста, в значительной мере из-за иллюстраций, которые так их изображали, тем ставя перед нацией физический идеал. То, что постоянно перед глазами, склонно производить впечатление на ум, а это в свою очередь воздействует и на тело; в этом также причина того, почему муж и жена с годами становятся похожи друг на друга.

Очень схожую природу имеет эффект дородового влияния мысли матери, когда она сильна и неизменна. Такого представления придерживались древнегреческие матери, которые созерцали статуи, чтобы их дети были красивыми. Миссис Рут Вайлд из Бруклина, дочь которой победила в конкурсе красоты, где ей пришлось состязаться со многими другими красивыми девушками, рассказывает, как во время огромных материальных и эмоциональных затруднений, когда она осталась совсем одна, она решила, что её ребёнок должен быть красивой девочкой. Она часто посещала Бруклинский Музей и сидела перед статуями Венеры и Адониса. Она также носила с собой обложку журнала с изображением головы работы Буало и постоянно представляла, какой красивой должна быть её дочь. Когда ребёнок родился, он оказался девочкой, и как рассказала миссис Вайлд, "Все мои мечты и

надежды воплотились в самом прекрасном ребёнке в мире. Врачи сказали, что никогда такого не видели, а один из них, зная о моих затруднительных обстоятельствах, предложил мне за него двадцать тысяч долларов. Но все деньги мира не могли купить её, потому что я знала, что добилась своего. Глядя в её маленькое личико, я видела, что это был образ с картины Буало, и я знала, что её фигура будет развиваться по линиям выбранных мною статуй. Она развивалась именно так, и сейчас у неё точно такие ярко окрашенные волосы, такие тёмные глаза и такое лицо, как на картине Буало, которую я так долго носила с собой и так искренне созерцала."

Ещё один такой случай произошёл с миссис Верджинией Кнапп из Нью-Йорка. Её дочь Дороти выиграла приз "Венера Америки" на конкурсе красоты, проходившем в Мэдисон Сквэр Гардн. Её мать тоже направляла свой ум на прекрасное. Она бродила среди природных красот и обращалась к природе с просьбой дать своей красоты её дочери, и она приписывает красоту своей дочери не наследственности, а своей воле и решимости в дни беременности. В этих случаях имело место прямое влияние мысли на чувствительное тело растущего ребёнка, поскольку известно, что нервной связи между матерью и находящимся в её утробе ребёнком нет.

То, что наша мысль может даже на расстоянии влиять на умы других людей, а также оставлять свой отпечаток на физической материи, является основательно подтверждённым фактом, и я могу засвидетельствовать, что сотни раз видел в Индии и других местах, как этот эффект производился с совершенной точностью и часто при условиях строгой проверки.

Я не буду останавливаться на более знакомых видах действия мысли, которые управляют нашей повседневной жизнью и делают наше материальное окружение цивилизованным. Силе мысли подвержены все области человеческих достижений — философия, литература, религия и искусство, и действие её прилагается к самым мельчайшим деталям повседневной жизни. Как сказал Эмерсон, "всё течёт по мысли". Со временем благодаря этой силе люди непременно решают больше задач жизни и природы и поставят на службу человеку её более великие силы; и будем надеяться, что это будет делаться с всё растущей преданностью делу братства человечества, которая обернётся более глубоким осознанием духовного назначения человеческой жизни.

Глава IV

СИЛА ЛЮБВИ

Как крия, мысль, применяется как для приобретения знания о материальных вещах и их отношениях, так и в качестве творческой силы в материальной жизни, так джняна знакомит нас с сознанием живых существ и изливает на них великую силу любви. Джняна — это мудрость, и она очень отличается от знания. Книги правильно утверждают, что всё знание о вещах — авидья, аджняна, но оба этих термина часто переводят там как "неведение", тогда как их следует переводить как "немудрость". Авидья несёт это несколько уничижительное значение лишь применительно к знанию как таковому, не соединённому с джняной. Но джняна-

виджнянасахита, то есть мудрость вместе с знанием, есть та истинная мудрость, которая поведёт человечество к совершенству, ибо будучи направлено мудростью, всякое знание становится полезным для внутреннего я.

Шри Кришна вполне ясно даёт смысл мудрости в двух шлоках Бхагавад-гиты, когда говорит о достоянии, которое люди могут использовать в служении Богу на благо человечества. Он говорит:

"Лучше всяких внешних жертв — жертва мудрости, ибо все труды без исключения в конце концов дают только мудрость. Если ты осознаешь это, то будешь чтить божественное во всех вещах, стараться понять его и практиковать служение. Тогда мудрые, видящие истину, направят тебя к мудрости." (IV.33-34)

Конечно же, он указывал на то, что всякая работа, которую приходится совершать человеку в мире, с ходом истории превратится в прах, но что плод её тем не менее существует как мудрость человеческой души, и что мудрость эта — не просто знание вещей, собираемое мыслью, но осознание жизни. Разница между человеком мудрым и просто имеющим знания ясна, какой бы ни была область его работы в мире. Например, если он государственный деятель или учитель, у него не будет какой-то предвзятой идеи или плана, как заставить народ или детей ему подчиняться, но он будет очень внимателен к условиям жизни тех, с кому ему придётся иметь дело — к их мыслям, чувствам и состоянию их сознания, и он будет придавать им такую же важность, как инженер — прочности стали и дерева в своих расчётах. Не тот человек лучше всех знает предмет, кто может лучше всех преподать его, а тот, кто чувствителен к жизни, а потому способен осознавать сознание своих учеников. Для этого ему нужно нечто большее, чем изучение — ему требуется опыт сердца, происходящий от сопереживания, и контакт жизни с жизнью. Кто мудрее во всём мире, как не мать, которая бессознательно ставит счастье своего маленького ребёнка выше всего прочего? Потому мудрость — нечто вроде сублимированного чувства, или, вернее, это возвышенное чувство, потому что оно присуще душе, а не трансмутировано из чего-то иного, более низкого. У неё есть два аспекта, которые с некоторыми оговорками можно назвать негативным аспектом — сопереживания, или чувствительности к жизни других, и позитивным — силы любви.

Эта мудрость и есть настоящее человеческое чувство, а его искажением является желание. Мудрость — это любовь к живым существам, к жизни, а желание — любовь к вещам. Если человек полон желания к большей материальной собственности, власти или мирской славе, за этим, тем не менее, стоит жажда большей жизни. Но поскольку он делает ошибку, считая себя материальной вещью — просто телом, снабжённым набором мыслей и чувств, его представление о более широкой жизни приводит его лишь к наращиванию телесных владений и славы. Он не сознаёт, что его ближние — живые существа. Для него они не более чем сложные оживлённые материальные механизмы, и его отношение к ним определяется лишь тем, вписываются ли они в его желания и планы, или мешают им. Но мудрый человек чувствителен к жизни в других существах. Он сразу чувствует её и не может составлять планов, не учитывая её, и любовь, наполняющая его жизнь, расширяет её без всякого захвата с его стороны. Для него невозможна погоня за славой, он не хочет занимать умы других мыслями о себе,

чтобы увеличиваться и умножаться в них. Скорее он наполнит свой собственный ум и жизнь ими, их интересами и нуждами в силу своего вселенского сочувствия.

Любовь знакомит нас с жизнью — не только физически, приводя к нашему рождению в этом мире, но и каждый момент жизни, открываясь в чуткой чувствительности и ведя к новому опыту и новому долгу. Каждому из нас знаком старомодный образ скряги, который со свечой в руке спускается в подвал или поднимается на чердак, и запирается там, наслаждаясь своими сокровищами, осыпая руки и шею золотом и драгоценными камнями, и купаясь в них в болезненном удовольствии. И всё же это не удовольствие, потому что такой человек всегда полон страха и шарахается от любой тени, отброшенной его трепещущей свечой, и вскакивает от каждого звука. И буквально верно, что это его эгоизм заставил его отшатываться от соприкосновения с остальными, приведя к ужасному сужению его жизни. Но любовь расширяется и изгоняет страх; она делает человека человеком. Это подлинное человеческое чувство, и когда люди теряют её, они теряют и свою жизнь, хотя их тела могут продолжать двигаться.

Одна история, которую иногда можно услышать в Индии, показывает, насколько отлична любовь от мысли и как должно следовать повелениям любви, когда дело касается человеческой жизни. Очень давно в Индии в большой деревне жил один старик. Он был там самым богатым человеком и обладал большой властью, но характер у него был плохой — он использовал свою власть и своё богатство, чтобы преследовать и мучить всякого, кто ему не нравился, и потому стал ужасом для всех жителей. У него был сын, который был сама доброта, и все с нетерпением ждали того дня, когда он унаследует богатство и положение старика и станет для них живым благословением. Третьим персонажем этой истории был странствующий санньяси, настроенный творить добро, которому случилось прийти в эту деревню и на некоторое время остановиться там. Очень скоро он узнал о том, что там происходит, и у него появилось любопытное искушение. Он сказал себе: "Почему бы не убить этого старика? Это освободит людей от несчастья, а молодому человеку даст возможность творить добро, чем он непременно займётся. Ведь старик сам несчастен, а что случится со мной — не важно, коль скоро я делаю добро." К истории задаётся вопрос: а как бы вы поступили в таких обстоятельствах? По логике кажется, что идея неплоха. Но к счастью, большинство людей поступили бы по велению сердца, как поступил и санньяси, оставив старика жить.

Мудрость в нас знает, что все мы едины, и счастье, купленное для кого-нибудь ценою страданий другого, для неё столь же немислимо, как для ума — предложение найти истину с помощью намеренно ложной мысли. В наше время перед западным миром встала подобная проблема в связи с проводящимися всё время экспериментами над живыми животными. Это никому не нравится, всякое сердце сжимается от этих ужасов, а студенты поначалу содрогаются от того, что им предстоит делать, пока их сердце не затвердевает. Всё это оправдывают логикой и благом человека; ум, похоже, говорит, что это вполне оправдано для уменьшения человеческой боли. Но даже если это уменьшает человеческую боль (чего, впрочем, таким методом добиться совершенно невозможно, пока миром правит карма), в то же время это ожесточает сердца и задерживает прогресс человечества. Все мы думаем о человечестве будущего как о людях великой

любви и великих сил, а не как о несчастных, пресмыкающихся в трещинах земли в рабстве у дряхлых тел, которые приходится поддерживать за счёт причинения невыносимой боли своим собратьям; и всё же люди, похоже, не сознают, что их немудрое отношение только отодвигает славное будущее человечества.

Мудрость можно увидеть даже в простых чувствах вроде тех, что испытывал философ Эмерсон, который, вернувшись домой из путешествия, пожимал, как руки, нижние ветви своих деревьев, и утверждал, что он мог чувствовать, что они рады его возвращению. То же самое очень сильно заметно в прозе и поэзии Рабиндраната Тагора, который мог войти в дух маленького ребёнка или потока и ощутить смысл и цель жизни даже на убогих улочках людного города. Джняна, мудрость, есть любовь, сознание одной и той же жизни во всех.

Глава V СИЛА ВОЛИ

Давайте вспомним об опыте человека из Лос-Анджелеса, который никак не мог научиться водить автомобиль из-за того, что несмотря на всё его сопротивление, его руки направляла мысль о телеграфных столбах. Хотя этот пример иллюстрирует силу мысли, не следует воображать, что он показывает также и сравнительную слабость свободной воли. Воля здесь не была побеждена; она просто была в бездействии. Человек не изъявлял волю — ему просто хотелось; а между этими двумя вещами есть существенная разница. Присутствие желания или надежды в уме человека как раз указывает на отсутствие воли, и человек, который предаётся желаниям, на время отказывается от своей божественности и уступает свой трон.

Крайнюю раздельность и взаимоисключение воли и желания можно показать очень просто. Если ваш карандаш лежит на столе и вы рассматриваете вопрос, взять ли его, вы придёте либо к решению "я его возьму", либо "я его не возьму". Здесь вообще не будет никакого желания или мечтания, поскольку вы совершенно уверены, что это в пределах ваших возможностей. Но если бы карандаш весил полтонны, или вы бы считали так, тогда бы вы могли сказать: "о, хотелось бы мне быть в состоянии поднять этот карандаш!".

Человек, которому чего-то хочется, тем признаёт свою зависимость от внешнего шанса; он в состоянии ожидания, и ожидает он не чего-то такого, о чём он знает, что оно обязательно случится в назначенное время, а просто надеется, что мир предоставит ему то, чего он желает. Глупость такого состояния и полное отрицание воли, к которому оно ведёт, невозможно преувеличить, и можно кстати сказать, что лишь человек, у которого хватит воли отказаться от него полностью и навсегда, может далеко продвинуться по оккультному пути.

Так что же такое воля, если мысль — это сила, действующая среди вещей? Это сила, которая действует среди мыслей и чувств. Это сосредоточение. Это внимание. Это сила, подразделяющая ум на сознательное и подсознательное. Если бы тот человек в автомобиле знал эту простую истину, он бы очень легко отбросил

свой страх телеграфных столбов. Он бы сказал себе: "Перестань думать об этом столбе. Закрепи свой взгляд на дороге и думай о ней. Забудь столб, наполнив ум мыслью о дороге, по которой ты хочешь ехать." Если бы вместо того, чтобы пытаться контролировать свои руки, он попытался бы контролировать мысль, всё было бы в порядке. То же самое можно заметить у многих неопытных водителей ночью, когда навстречу приближается машина с включёнными фарами. Водителю нужно не поддаваться идее, которая рождается от страха, вызванного этими приближающимися фарами, а отвести свой ум прочь от них, сосредоточив его на темноте дороги, по которой он должен ехать, хотя он и не может видеть её.

Мечтание — не форма воли, а увеличение желания; и в то время как желание обычно направлено на какую-то вещь, которой человек не имеет, мечтание охватывает всё поле деятельности и несёт с собой множество страхов потерять то, что уже есть, или обстоятельств, которые могут расстроить планы по удовлетворению желания. Это не столько отражение воли, сколько отражение любви, но искажённой до потери всякого сходства, поскольку она стала привязана к вещам, тогда как должная её сфера — это сознательная жизнь.

Таким образом, воля есть атма, "я", сознающее себя и проявляющее свою власть над своими отношениями в мире жизни и вещей. Воля — это "я", являющееся собой, и её природу можно распознать как таковую всегда, когда люди стараются направить своё собственное будущее. Она связана с глаголом "быть", а не с глаголом "делать". Когда человек решает, что будет упорно работать в своём бизнесе и заработает много денег, в действительности он бессознательно говорит себе: "я буду богатым". И это действует на его мысль и поддерживает её так, чтобы она служила именно этому настрою, и тогда мысль направляет работу.

Когда человек действует изнутри без полного знания последствий, он действует исходя из того, кто он есть, а не из того, что он думает; таким образом в действии — воля. А поскольку никакой человек, прежде чем действовать, не продумывает полностью всех последствий своего действия, в каждой части человеческих трудов присутствует сколько-то воли. Крайнее проявление этого можно видеть, когда человек старается сделать что-то, совершенно не зная, как это делается.

Проявляющий волю к цели проявляет её и к средствам, потому что провозглашает власть внутреннего Я. Он совершает великолепный акт сосредоточения, и эта концентрация в конечном итоге производит результат. Человек, знающий, что он достаточно владеет своим сознанием, чтобы произвести такое сосредоточение, сделает это, тогда как другие не смогут.

Воля в конечном счёте ведёт к истинной сверхсознательной жизни, счастью, ананде. Ананда — вневременное состояние, но сознание движется во времени (хотя не в пространстве), и делая это, производит эволюцию или развёртывание, которое, однако, не есть прогресс. Это сложный вопрос, которым я займусь в XXI главе, но здесь нужно заметить, что эволюция вносит в сознание принцип омрачения и разделяет ум, в то время как воля направляет себя всю в часть себя, чтобы на время осознать эту часть более совершенно. Это подобно тому, как ребёнок в школе отпрашивается в кабинет музыки и уделяет ей всё своё внимание, на время забывая о самом существовании таких предметов как история и география; и чем полнее он о них забудет, тем лучше будет его музыка. Этот

процесс необходим, когда приобретается нечто новое. Он создаёт подсознательный ум, находящиеся в котором воля, мудрость и деятельность не воспринимаются сознательным умом, или, скорее, сознательной частью ума, поскольку двух умов нет.

Чтобы прояснить этот момент, я обращусь к эксперименту, проделанному со мной в одном городе южной Индии одним пожилым джентльменом, который был экспертом по части владения силой ума. Среди многих интересных опытов, показанных им мне, был один с колодой карт. Сначала он написал что-то на листке бумаги, сложил его и дал его мне, чтобы я положил его себе в карман. Затем он попросил меня перетасовать карты и разложить их рубашкой вверх на платформе, на которой я сидел по-восточному. Когда это было сделано, он сказал мне выбрать любую карту, и я позволил своей руке совершенно случайным образом опуститься на одну из них и взял её. "А теперь, — сказал он, — посмотрите на карту и на бумажку, которую я вам дал". Я сделал это, и развернув бумагу, обнаружил на ней название выбранной мною карты. Затем по его просьбе я передал карты двум индийским друзьям, сопровождавшим меня к его жилищу, и он повторил с ними этот опыт ещё два раза, дав каждому из них новый листок бумаги, и не касаясь больше карт.

Затем мне вздумалось попробовать сделать свой собственный маленький опыт, так что я попросил, чтобы он дал мне новую бумажку и попробовал ещё раз, на что он охотно согласился, поскольку был заинтересован не просто в том, чтобы показать свои силы, но хотел мне дать наставления относительно их, насколько это было возможно, но на этот раз я, собираясь взять карту, сосредоточил свой ум на его уме, молчаливо обращаясь к нему: "какую бы карту вы ни выбрали, я не возьму этой карты". Затем я взял одну из карт, развернул листок бумаги и обнаружил, что на этот раз они не совпадают, и тут самый поражённый вид был уже у старого джентльмена, когда я передал ему для проверки бумагу и карту. Очевидно, до этого они никогда не терпел неудачи. Тогда я рассказал ему то, что я сделал, и он ответил, что это вполне объясняет дело и он расскажет мне, как он совершал этот трюк.

"Сперва, — сказал он, — я выбираю определённую карту и записываю её название. Затем я прочно сосредотачиваюсь на ней и передаю её в ваш ум, где при таких условиях она тоже держится очень устойчиво, хотя вы этого и не сознаёте. А у подсознательного ума есть свои способности восприятия, и когда они верно направлены, он вполне может увидеть нижнюю сторону карт, хотя физический глаз этого и не может. Зафиксированный в уме образ затем и направляет руку точно в то место, где лежит нужная карта. Но направив свою волю против моей, вы должно быть уничтожили созданный мною образ." Он по-восточному похвалил силу моей воли, но вполне могло быть и так, что знай он о моём намерении, он бы проделал опыт успешно, как удалось ему сразу же после этого с двумя моими индийскими друзьями, которые пытались не взять выбранную им карту, но были буквально вынуждены делать это каждый раз. Можно предположить, что путём телепатии он мог бы узнать о том, что я замышляю, но думаю, что он был слишком сосредоточен на своей задаче, чтобы заметить это.

Позже этот эксперимент получил удивительное продолжение. Это случилось в моём собственном колледже в Хайдарабаде (провинция Синд), который находится в двух тысячах миль от города Тричинополи, где я провёл утро с этим пожилым джентльменом. Однажды вечером, после напряжённого трудового дня, я сидел в своей комнате вместе с двумя друзьями, один из которых был моим сотрудником — профессором политологии. Этот джентльмен, индеец, с отличием окончивший Оксфорд, будучи в Англии, узнал несколько очень хитрых карточных фокусов, и в тот вечер, чтобы расслабиться, развлекал нас некоторыми из них. Мои мысли были далеко от каких-либо предметов психических исследований — скорее они были заняты серьёзными неприятностями, связанными с одним политическим движением, работавшим среди студентов колледжа, которые, по моему мнению, могли серьёзно повредить как их будущему, так и будущему всей страны. Внезапно, без предупреждения, я услышал вполне громкий мужской голос, говоривший прямо в середине моей головы. Он сказал всего несколько слов: "пятёрка треф, попробуйте этот опыт", но каким-то образом я знал, что он имел в виду опыт, пережитый мною в Тричинополи некоторое время назад. Я послушался голоса, и сразу же написал на кусочке бумаги "пятёрка треф", сложил его и попросил своего друга-профессора положить его в карман. Затем я попросил его перетасовать карты, которых я вообще не касался, и разложить их рубашкой вверх на полу, где мы сидели, а затем случайно выбрать одну из них и сравнить с надписью на бумажке, которая была у него в кармане. Точно не знаю, как направлял меня голос в этом случае, но исходя из своих знаний о силе мысли, я считаю вполне разумным поверить в то, что старый джентльмен, живший в двух тысячах миль, узнал о нашем занятии, предложил моему уму эксперимент и помогал в достижении успеха. Этот опыт ценен, как показывающий способ действия силы мысли и воли на подсознательную часть ума.

Когда мы рассматриваем то, каким образом мысль является действующей силой среди вещей нашей жизни и в нашем теле, мы должны учитывать, что иногда это подсознательная мысль, и что фактически очень много так называемых случайностей жизни в действительности происходит благодаря нашей собственной силе мысли, действующей подсознательно, часто направляемой волей. Например, у человека может не быть никаких особых планов на вечер и он решает отправиться на прогулку. Он надевает шляпу и плащ, а может быть и тюрбан, выходит на дорогу и решает направиться в ту или иную сторону. В ходе прогулки он встречает кого-то, кто делает ему новое деловое предложение или даёт новое направление мысли, которое в конечном счёте влияет на его дальнейшие успехи или изменяет всю его жизнь, так что оглядываясь потом назад, он может сказать, что это было поворотной точкой его карьеры, и часто такие люди восклицают, как им повезло, что они вышли тем вечером на прогулку и пошли именно по той улице, где встретили своего друга. Но, возможно, это был вовсе не случай, но тот, больший человек внутри мог направлять его также верно, как моя рука была направлена к одной из многих карт, разложенных на платформе. По крайней мере каждый знает, что где-то внутри него есть кто-то такой, кому иногда удаётся передать в сознательную часть ума то, что обычно называют голосом совести, и кто знает об истинном направлении жизни гораздо больше, чем человек, действующий в пределах сознательного ума.

Позже, когда период учёбы закончен и сознание человека становится достаточно могущественным, чтобы иметь дело с музыкой, историей и географией сразу, акт сосредоточения больше не является необходимостью, разве что только в виде быстрого движения для применения в данный момент. Тогда у него в постоянном распоряжении будут все силы и знания, приобретенные им понемногу среди омрачения, вызванного его концентрацией на обучении. Тогда бессознательный и сознательный умы становятся одним.

Так что давайте будем ясно представлять истинное различие между иччхой и крией, или волей и деятельностью, и не будем забывать, что первая из них полярно удалена от всякого рода желаний, а вторая есть деятельность мысли, и обе — силы, и вторая — властвующая над вещами, включая и тело, а первая — над собой, то есть над собственными мыслями и чувствами.

Глава VI **МАТЕРИЯ, ЭНЕРГИЯ И ЗАКОН**

Мы заметили, что в этом мире сознания всегда присутствуют три принципа, в разное время заметные в разных степенях и пропорциях. Так и в мире сата можно различить три принципа, называемые тамас, раджас и саттва, что можно перевести как материя, энергия и закон. Древние и современные учёные одинаково обнаружили в мире бытия эти три принципа, и также заметили их неразделимость. Это принципы материи — не свойства, а состояния материального существования, и всякое тело может демонстрировать их в разное время в разных степенях, подобно тому, как сознание может применять волю, любовь или мысль, хотя все они всегда присутствуют в равной мере.

Предметный мир есть мир тел, которые препятствуют друг другу и могут помешать и сознанию, когда оно доверяется материи, погружая себя в тело. Всякий предмет виден лишь потому, что он загораживает нам обзор, и этот мир полон света только потому, что тьма или непроницаемость для света его материальной атмосферы рассеивает солнечные лучи. Таким образом, каждый атом материи является как бы тёмным пятном в пространстве, областью, которая непроницаема и на которую можно подействовать лишь извне. Взаимопроникновение материи, о котором говорят теософы, касается лишь более тонких тел, которые могут находиться в промежутках [между частицами] грубых; в таких случаях два тела или более взаимопроникают, занимая то же пространство, но их материя в действительности этого не делает. Это качество тьмы, устойчивости, препятствования или сопротивления, наблюдаемое в предметах этого мира, было названо древними учёными тамасом. Это то качество материи, которое в обиходных речи и мышлении принимается за саму материю — то, что даёт телу материю и тем создаёт в пространстве точки для приложения силы. Таким образом, у материи есть то, что можно назвать собственной волей (хотя это отрицательная воля, упрямство), и это, несомненно, она сама, и по всей видимости, она совершенно не хочет уступать своего существования.

В XIX веке было широко распространено представление о том, что весь мир построен из крошечных кирпичиков, именуемых атомами, которых существует значительное разнообразие. Каждый из них считался совершенно неизменным, так что можно было говорить о бессмертии этих единиц материи — они считались несоздаваемыми и неразрушимыми. Тогда считалось, что как из сотни тысяч кирпичей можно построить разные виды домов, а потом изменить и переделать путём изъятия и повторного использования строительного материала, так и мир состоит из атомов, постоянно перестраивающихся в изменяющиеся формы. Для практических целей человека эта идея была правильной. Это демонстрация тамаса в определённой степени материального существования, но совершенно верно это было бы лишь если бы устойчивость была единственным свойством мира материи, находящейся в пределах досягаемости пяти чувств.

Вторая его составляющая — это энергия материи, раджас, которую теперь в научных кругах считают источником и основой самой материи, хотя время обязательно покажет, что она тоже материальна и никогда не бывает без тела или положения. Представление о естественной энергии, которое можно найти в элементарных книгах по механике, может послужить неплохим описанием этого свойства субстанции. Всем студентам хорошо известно, что никакое материальное тело не изменит своего состояния, равновесия или движения без приложения к нему какого-либо вида энергии, если это не сложное тело, в котором назревают внутренне активные силы, приводящие к новому равновесию целого, как, например, при внезапном падении с горы камня, в котором шло растрескивание.

Например, бильярдный шар, лежащий на столе, не станет двигаться сам. А если он приведён в движение, то не придёт в состояние покоя без некоего сопротивления или внешней противодействующей силы — сопротивления воздуха, трения об стол, помехи со стороны бортиков или других шаров. Тогда энергия шара в движении и силы, которая его остановила, окажутся одинаковыми.

Но всё это поверхностные явления, демонстрирующие раджас так же, как химический атом — тамас. Но как атом может быть расщеплён и его тамасический аспект затушёван, пока люди не скажут, что это лишь энергия, так и энергия может проявляться из основы и поглощаться в основу саттвы, или закона, которая — сама суть предметного мира, как джняна является сущностью мира сознания. Эта энергия может переступать время, подобно тому, как сознание переступает пространство. Допустим, я подниму с пола мяч и положу на стол. На его подъём будет затрачено некоторое количество энергии, и то же количество будет высвобождено снова, если когда-либо в будущем он упадёт со стола, в чём можно будет убедиться, заставив его выполнять в падении какую-либо работу или измерив количество теплоты, выделившееся при его ударе об пол. Тепло, звук, свет, электрические явления, химический потенциал и многое другое — это формы энергии, и насколько было открыто человеком, нигде нет ни одной частицы материи без какой-либо формы энергии. Недавние исследования в связи с теорией относительности вновь поставили вопрос о сохранении энергии, но они уходят глубоко во внутренние взаимоотношения составляющих свойств материи и не подвергают сомнению практическую реальность принципа энергии. Для наших целей достаточно осознать, что существует естественная энергия, и что она не есть самопроизвольность.

Третье составляющее свойство материи — это закон. Я знаю, что это звучит странно, и что большинство тех, кто изучает науку, не задумываясь скажут, что мир состоит лишь из двух вещей — материи и энергии, — и всё же они будут утверждать, что всюду виден закон и порядок. В такой позиции есть некая несообразность, и древние учёные Индии не впадали в неё, ибо без колебаний утверждали, что саттва, или закон, есть одно из свойств материальной стороны бытия. Фактически это так, и в действительности это представление не труднее идеи о вещественности энергии. Нигде в мире никто никогда не находил материю или энергию, не демонстрирующую какого-то закона, определяющего природу деятельности тела и его отношений с другими телами. Каждый химический элемент, каждый атом имеет свою функцию, точно так же как каждое семя имеет склонность расти и давать определённый вид растения, и действие этого закона — часть естественного хода вещей природы, сата, или бытия.

Древним учёным было совершенно ясно, что саттва, раджас и тамас — гуны, или свойства материи, и что вся материя — ничто иное, как эти три, а они не могут быть ничем иным, как материей. Эти три слова в форме прилагательных используются для описания характера вещей, как, например, в Бхагавад-гите, где мы читаем о тамасической, раджасической и саттвической пище, каждая из которых даёт склонность к построению тела, в котором преобладает одно из этих качеств, так что, например, раджасическое тело будет энергичным или даже неугомонным. В каждом предмете есть все три гуны, но одна преобладает и придаёт ему его выдающееся качество, точно так же как и всякое сознание, или часть чита, обязательно демонстрирует волю, любовь и мысль, хотя ярковыраженным лидером и вдохновителем двух других обычно является лишь одна из них.

Глава VII МАТЕРИАЛЬНОЕ И БОЖЕСТВЕННОЕ

Теперь нам нужно сравнить мир сата с миром чита, чтобы посмотреть, как они соотносятся. Первый верно называют материальным, а второй лучше всего будет назвать божественным. Нужно уяснить, что сколько бы мы ни наблюдали вещей в мире сата и сознаний в мире чита, каждый из этих миров фактически является единой вещью или единым сознанием, у которых есть много частей.

Эта великая истина среди материальных вещей видна со всей очевидностью, и значение её самое важное. Мир бытия не составлен из огромного множества независимых вещей, соединённых или синтезированных вместе; он не построен из большого количества и разнообразия самостоятельных кусочков или кирпичей. Напротив, всё в точности наоборот, и знакомые нам вещи — ничто иное, как абстракции, или отвлечённости от него. Они едины, и единство их демонстрируется в их крайней зависимости друг от друга. Рассмотрим, например, что происходит в уме ребёнка, когда он открывает свои глаза на мир. Поначалу он видит в нём просто большое неопределённое нечто; постепенно в этой общей массе начинают различаться вещи более заметные и живые, а затем, среди них, и более мелкие. Это несколько похоже на то, что видит путешественник, когда его

корабль приближается к берегу. Сначала он видит нечто, что должно быть землёй, затем она становится видна яснее и становятся различимы горы, затем путешественник начинает воспринимать деревья и дома, пока совсем не приблизившись, он может различить людей, животных, и даже цветы.

И в процессе приобретения знаний подобное различие вещей в общей массе психологически имеет существенную важность. У каждого силлогизма есть своя вселенская предпосылка, без которой не было бы смысла в ясном знании, и невозможно было бы его накопление, которое в конце концов не есть приобретение чего-то нового, а ясное восприятие того, что ранее было смутным или незамеченным. Хорошо известно, что мы воспринимаем вещи сравнением. Поместив собаку и кошку вместе и изучив их сходства и различия, вы гораздо лучше узнаете, кто такие собака и кошка, чем если бы изучали их по отдельности. И опять же, лучше всего мыслит о любом предмете тот, у кого уже есть идеи для сравнения с ним, если конечно эти идеи в его уме ясны, упорядочены и уже соотнесены между собой. Всякое мышление в действительности абстрактное; ум не может одновременно удерживать две идеи, но он может удерживать одну такую идею, которая включает в себя две или более, которые являются всего лишь частями большего целого.

Не только логически, но и фактически меньшее зависит от большего, а часть — от целого. Для материальных вещей характерно, что у них нет инициативы и сами они не меняются, а зависят в этом от чего-то внешнего. Так, если книга лежит на столе, она остаётся там, потому что есть стол. Он в свою очередь поддерживается досками пола, они — балками, которые опять же покоятся на стенах. Стены стоят на фундаменте, а фундамент — на земле. Далее, Земля есть материальное тело, удерживаемое в пространстве невидимыми силовыми линиями материальной энергии, так что она зависит от других планет, Солнца и звёзд. Лишь целое бытие само себя поддерживает, и все его части зависят от него. Невозможно преувеличить значение того факта, что целое не сделано из частей, но части есть выводы из целого, в котором они имеют корень, опору и поддержку.

Вся объективная реальность вечно существует в мире закона. Например, мы знаем, что когда происходит взрыв двух бесцветных газов кислорода и водорода, смешанных в верной пропорции, оба исчезают из виду и их место занимает некоторое количество воды. Конечно, мы скажем, что та же по сути материя всё ещё здесь, равно как и та же энергия, но нужно осознать, что мы не создали тут ничего нового даже в смысле свойств. Очевидно, что воды здесь раньше не было, а теперь она есть, и если бы мы думали лишь о свойствах или видимостях вещей, мы могли бы полагать, что нечто возникло из ничего. Но в действительности всё, что произошло — нам и другим (кто в этом отношении един с нами) была явлена реальность, которая существовала всегда.

Наилучшее сравнение, которое я могу привести — это пример ребёнка, собирающего головоломку. У него есть ящик, в котором около двадцати деревянных кубиков, на стороны которых нанесены квадратные фрагменты картинок. Он выкладывает их на стол или на пол, и переворачивает и переставляет их, пока нужные фрагменты не сложатся в картинку. Затем он перемешивает их и поворачивает вверх другой стороной, так, чтобы собрать другую картинку. Он

может думать, что сам сделал эту картинку, но это не так — её заранее нарисовал художник, а ребёнок лишь сложил части так, чтобы она появилась. Так и когда при реакции кислорода с водородом получается вода, ничто не добавляется в реальность, и ничто из неё не исчезает. То же самое верно для всего, и все человеческие творения и изобретения следуют тому же закону. Это и есть реальность, воспринимаемая умом как то, что обычно называют законом природы. Этот закон есть сущая реальность, саттва — мир идей, объективный вселенский ум.

Сату иногда дают другое название — великий пассивный принцип. В его пленуме (полноте), как я уже говорил, нет инициативы, потому что там нет времени, которое принадлежит читу. Мы убедились в полной зависимости книги от стола, стола от пола и так далее, и рассмотрели совокупность вещей. Эта совокупность должна быть самосушей, самотворной и самоизменяющейся — никакого внешнего существа, которое могло бы прилагать к ней материальную энергию извне, нет. Иными словами, она в то же время божественна. Брахма пестуется Вишну.

Но чит божественен в каждой частице. Это великий активный принцип, самосуший, самотворный, самоизменяющийся, независимый и всепобуждающий, сущность времени. Я применил слово "божественный" вместо слова "духовный", которое могло бы прийти некоторым на ум для выражения той же идеи, по весьма специфической причине. Слово "дух" несёт на себе некий смысловой оттенок тончайшей материи, пусть подобной дыханию и бесплотной, но всё же материи. Но слово божественный (англ. *divine*) происходит из того же источника, что и санскритское "див", что значит "сиять"; этот корень встречается в таких словах как "див" (небеса), "дивакара" (солнце) и "дэва" (небесное существо).

Таким образом, божественное — это то, что светит своим собственным светом, изнутри, и многие из древних потому избирали символом божественного Солнце, ведь от Солнца исходят весь свет и всё тепло нашего мира, тогда как Луна всегда противопоставляется ему как символ материи, светящей лишь отражённым светом. Всякий, кто возьмёт на себя труд задуматься об этом предмете, сможет отличить божественное существо, или солнечный логос, от материального, или его мира, по его независимому и инициативному характеру. Из слов, которыми он описывается, одно из самых значимых — Сваямбху, то есть самосуший. Он всемогущ, вездесущ и всеведущ, поскольку он есть весь чит нашей Солнечной Системы, чит в совершенстве, тогда как человек — лишь часть этого чита, и обладает тремя вышеперечисленными качествами без приставки "все". Строго говоря, для описания этого великого сознания, являющегося нашим старшим братом, не следует использовать слово "бог". Наше сознание, подобно нашему телу, есть нечто, что мы используем, а не то, чем мы являемся. В действительности же мы принадлежим Вселенскому Богу, истинной жизни, которая за пределами материи и сознания, пракрити и пуруши, материального и божественного.

В нашей истории о столпе света сначала говорилось о ночи, когда Вишну и Брахма не действовали вместе в согласии, но встречались и ссорились, пока своим присутствием гармонию не восстановил Шива, заставив их осознать, что оба они едины в нём, и тем начал новый день бытия. Так мы обнаруживаем, что чит и сат, в меньшем масштабе представленные человеком и внешним миром его опыта, кажутся находящимися в неразрешимом противостоянии, пока не открываем, что в их отношениях есть полная гармония цели, а для их кажущегося конфликта есть веская причина.

За ими обоими стоит ананда, в Шиве — их союз. Соприкосновение чита с сатом наполнено анандой, или счастьем, так как всякое существо свидетельствует, что любит жизнь; ведь то, что обычно называется жизнью, есть взаимодействие между этими двумя. Нам знакома идея, что в царствах ниже человеческого жизнь полна счастья, что в мире животных боль не бывает частой или долгой, а моменты ужаса случаются только при реальной угрозе жизни. Миллионы коров, которые из месяца в месяц направляются на бойни Чикаго и других городов, не боятся и не печалются, пока действительно не приблизится их конец, потому что их знание и воображение не говорят им, что им уготовано, и на пастбищах их жизнь прекрасна, хотя люди сочли бы её скучной. Кроме того, в этом состоянии природы страх обычно действует на железы, чтобы форсировать физические силы, а также это стимулирует сознание, и мелкие существа получают удовольствие от ловкости, с которой они скрываются от крупных.

Рассказывают такую историю о большом морском котике из Сан-Франциско. Несколько лет назад на камнях сразу за скалами жил очень большой котик, который был вожаком стада, которое живёт там и теперь, и люди помнили, что он был вожаком уже в течение 120 лет. Но однажды с юга приплыл другой великолепный котик, который был моложе и находился в расцвете сил, захотевший сам стать королём этих скал. Он вступил в бой со старым вожаком и они сурово боролись три дня, пока израненный старый вожак не поплыл к берегу, где тут же и умер. Такую сцену часто описывают как пример "жестокой борьбы за существование в природе", но если посмотреть на неё с точки зрения сознания, пребывающего в форме, можно увидеть, что эта битва была не лишена своей радости. Существа такого уровня живут больше ощущениями, чем размышлениями, а старость для них не более приятна, чем для человека. Когда сила телесных чувств начинает приходить в упадок, сознание быстро следует за ней в своей активности, поскольку не имеет уже таких живых стимулов, как раньше. Потому мы не должны жалеть о том, что сознание котика покинуло тело в славном бою, среди самого живого опыта, которое оно только получало, особенно учитывая, что в силу огромного возбуждения весьма маловероятно, чтобы животное ощущало сильную физическую боль.

Если мы перейдём к человеку, жизнь поистине не является сплошным счастьем, но причину тут надо искать в том факте, что он, утверждая свои недавно осознанные способности, создал дисгармонию между собой и миром. В наслаждениях чита он упустил из виду ананду, и прежде чем он сможет вернуть утерянное им детское состояние животного, ему должен открыться Шива. Вишну и Брахма в жизни человека должны стать друзьями, и тогда Шива явится в их союзе.

Мысль о том, что гармония между человеческим сознанием и его окружением есть одна из великих реальностей жизни, вовсе не является обычной для западного мира. Даже те, кто верит, что наш мир — это божий мир, в большинстве своём считают его просто местом, куда Бог помещает на испытание созданные им души, и после некоторого времени решает, стоит ли их держать у себя или отбросить как плохо сделанные. А те, кто верят просто в эволюцию формы, обычно не считают, что человеческий ум, хотя и считающийся продуктом природы, находится в гармонии со своим источником, а полагают что, он как-то развился сам нежеланным паразитом и удерживает своё место в природе просто как цепкий и назойливый незваный гость. Но тем не менее, здесь есть гармония, и она — нечто весьма необыкновенное, дитя самого Шивы, это поистине Шива, вновь родившийся, чтобы соединить Вишну и Брахму.

Если выразить это более обычным языком, то я сказал бы, что природа доказала, что она друг человека. Верно, что один из процессов природы — процесс распада, и что все труды рук человеческих скоро обращаются в прах, но будь это не так, этот мир не мог бы быть божьей школой для человека. Будь дома неразрушимы, а одна и та же еда по какой-то странной магии никогда бы не кончалась, очень немногие решились бы браться за труд, чтобы создавать новые вещи, а дополнительный труд, требующийся для разрушения старых вещей, заполонивших Землю, ещё больше отвращал бы от работы тех, кто хотел бы заняться созданием чего-то нового. У человека был бы очень малый стимул к применению силы мысли или воли. Природа не сделала жизнь слишком лёгкой для человека, но с другой стороны не сделала её и слишком трудной, всегда предоставляя ему опыт такого рода, который благоприятствует росту его сознательных сил. Свидетельством этого факта служит сам человек, который на протяжении веков благодаря активному применению своих способностей растёт и неуклонно продвигается к ещё большим будущим способностям.

Одна из Упанишад даёт любопытное определение человека, говоря о нём как о существе, которое и могущественно, и бессильно, и мудро, и невежественно. Сравните его положение в природе с любым другим существом и посмотрите на его беспомощность и невежество! У него нет ни естественной одежды, ни естественного оружия, достойного этого имени, ни быстроты ног или крыльев, чтобы убегать от врагов, ни инстинкта, который говорит другим существам, что съедобно, а что ядовито, кто друзья, а кто враги, и как построить дом. Можно подумать, что природа проявила к человеку дискриминацию, послав его в этот мир беспомощным, но в действительности это не так. Будучи лишён естественной одежды, человек научился применять свой разум и в результате сам обеспечил себя одеждой, с которой он может жить в любом климате, а также научился делать орудия и инструменты, которые сделали его властелином мира.

Первобытный человек мог жаловаться на свои слабости и молиться Богу, чтобы тот избавил его от них, но разумный человек, который есть перевоплотившийся первобытный, оглядываясь назад, благодарит Бога за предоставленные ему возможности, и за честь, которой он его удостоил — во все века считаться божественным существом, постоянно создающим себя своими собственными трудами, а не материальным созданием, сформированным некой внешней силой. Теперь он видит гармонию между человеком и окружающей его средой на

протяжении всего времени и осознаёт, что мир был и является другом для человека — не сентиментальным другом, но тем, который познаётся в беде и на деле.

Поскольку человек принадлежит к божественной стороне вещей, а не к материальной, но раскрывается таким образом, завоёвывая для себя всё больше божественных сил, Бог помогает ему, воплощаясь как принцип гармонии. Он всемогущ, но всё же есть некоторые вещи, которых он сделать не может. Например, он не может создать высокого карлика или квадратный круг, ибо если человек высок, он не может быть карликом, и если форма квадратна, она не может быть круглой. Точно так же он не может создать зависимой воли, ведь воля, которая не является независимой, не была бы волей вообще. Потому он удостоверяет божественность человека этим великим устройством для эволюции его сознания и сил, в котором человек поистине самосуц, самотворен и божественен — сейчас и во все времена.

Именно эта гармония между читом и сатом в нашем мире опыта и есть майа, о которой часто говорится как об иллюзии. Иллюзией её называют не потому, что она в каком-либо отношении нереальна, но потому что её принимают за жизнь, путая с истинной жизнью, которая есть ананда. Потому книги говорят, что для освобождения человек должен ускользнуть даже от этой гармонии, и как только эволюция его сознания завершена, должен разрушить то, что иногда называют соединением видящего и видимого, и после того пребывать в своём собственном состоянии. Это состояние и есть ананда, а также кайвалья, состояние единства, ибо единство Шивы никогда не нарушается даже присутствием Вишну или Брахмы.

В Бхагавад-гите Кришна также говорит об этой гармонии как о своей дайвипракрити. В обиходной речи выражение "мирская жизнь" довольно точно обозначает то взаимодействие, которое есть майа, когда люди мыслят о жизни не как о чите в них самих и не как о энергии природы вне их, но как о гармоничном взаимодействии между этими двумя, когда берётся в расчёт и внутреннее, и внешнее. Когда пишешь о философии, люди думают, что тут под такими словами как "жизнь" обязательно подразумевается нечто новое, но в данном случае это вовсе не так. Эта жизнь — майа, иллюзия, лишь потому, что это не истинная жизнь, которая есть счастье, сам Шива, а лишь её перерождение — отражение его единства в этой двойственности.

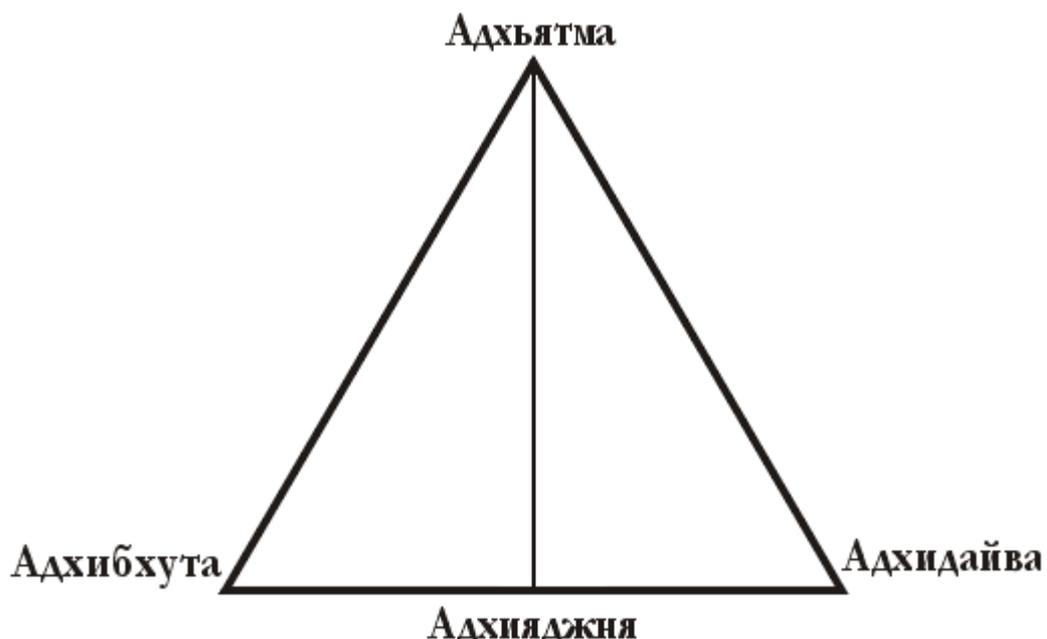
О тех же великих истинах ещё говорится в VIII главе Бхагавад-гиты, где Кришна рассказывает о четырёх великих подразделениях реальности — адхьятме, адхидайве, адхибхуте и адхияджне. Первое из них — это Шива за пределами восьмеричного проявления. Второе и третье — великие активное и пассивное начала, божественное и материальное, подобное "рядом пребывающим близнецам", если использовать выражение, применённое в "Голосе Безмолвия" для другой цели. Четвёртое соотносится со "мною здесь, в теле" — это жертвенное начало, благодаря которому жизнь (взаимодействие между читом и сатом) делается святой. Латинское слово *sacrifico*, от которого происходит английское *sacrifice* (жертва), означает "освящать", и на жертву нужно смотреть как на способ, которым сознание и материя работают друг с другом в том, что мы называем

жизнью, и которым одно существо всегда уступает что-то другому, вольно или невольно, чтобы всё стало организованным целым, и таким образом — святым.

Нет движения без этой жертвы; вот почему сказано, что Бог есть движение. Низшие три из этих четырёх могут рассматриваться ещё и как пространство, время и движение. Пространство связано с материальной стороной вещи, время — с сознанием, а движение — представитель божества, адхьятмы. Некоторые древние софисты выдвигали забавный аргумент в пользу того, что никакой предмет вообще не может двигаться. Они говорили: "он не может двигаться в пространстве там, где он есть, и уж точно он не может двигаться в пространстве там, где его нет". Конечно же, если бы не было ничего, кроме материи, он бы не мог двигаться. Но мы-то знаем, что предмет может передвигаться из места, где он есть, в место, где его не было. А это предполагает существование начала, превосходящего ограничения пространства. Пространство — это ограничение, но это лишь часть реальности, а не вся она. В ней божественность представлена движением.

При изучении сознания обнаружится подобная же трудность. Люди часто удивляются, как это они могут быть теми же сознательными существами, которыми они были вчера, год назад, в детстве, или в прошлых жизнях. Как это сознание, которое переменчиво, может быть и тем, чем оно было, и тем, чем является сейчас? Это так по причине принципа: время принадлежит активному началу, а движение представляет Бога, или Шиву.

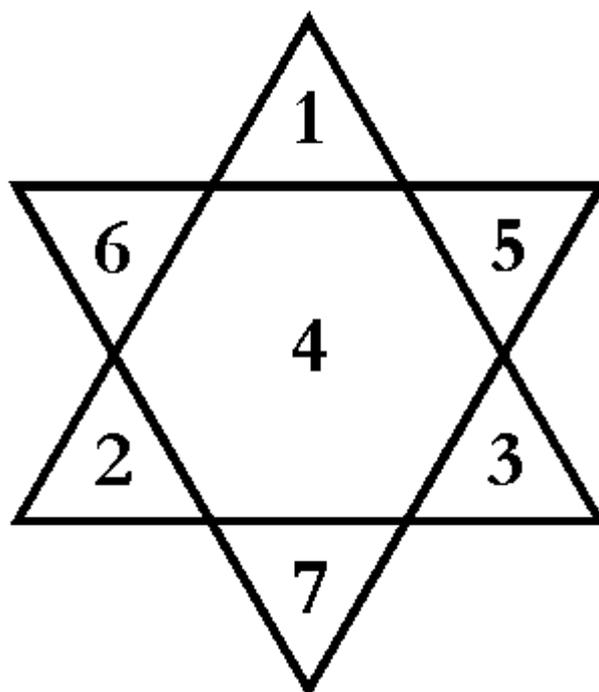
В нашем составе есть не только материя в форме тел, ограниченных пространством, и не только сознание с тремя его способностями, ограниченными временем; там есть и Бог, никогда не отсутствующий и всегда превосходящий эти ограничения и пространства времени. Этого Бога в нас, который един в нас всех, мы называем "я". Вот почему Кришна всегда говорит, что человек, достигший совершенства, осознавший истину, "придёт ко мне". Говоря "я", Кришна подразумевает также и "я" человека, к которому он обращается. Есть лишь одно "Я", и человек, нашедший его в себе, узнает его во всех.

Глава IX СЕМЬ ПРИНЦИПОВ

Поскольку есть три аспекта сознания, три составляющих материального бытия, и гармония между ними, которая есть майа, то во всём мире человеческого опыта есть не более и не менее, чем семь фундаментальных реальностей. В нашей системе майи, или жизни, эти семь не происходят от трёх, потому что она лишь часть большей системы, где семёрка уже существовала; но создавая свою троицу из своего семеричного я, Шива как бы одалживает три из семи Брахме, и ещё три — Вишну, сохраняя седьмое, ананду, за собой.

Отсюда можно видеть, что эти семь совершенно равны, и ни один из них не сделан из комбинации каких-то других; потому они верно названы принципами, то есть первоначалами. Если для удобства мы обозначим их цифрами, цифры эти будут произвольными, а не указывающими на относительную позицию какой-либо из этих реальностей; или же если для лучшего запоминания мы представим их на диаграммах, то математические свойства этих диаграмм не следует приписывать принципам. Опасность использования таких диаграмм в том, что сами они принадлежат лишь одному принципу и содержат тенденцию рассмотрения всех других принципов с точки зрения этого одного, тем затемняя их истинную природу.

Шива				
Брахма	Материя	Майа	Воля	Вишну
	Энергия		Мудрость (любовь)	
	Закон		Деятельность (мысль)	

Первая диаграмма не требует большого объяснения, поскольку изображает пересечённые треугольники, знакомые теософам. Это лучший способ указать на семёрку, и я пронумеровал принципы цифрами от 1 до 7. Треугольник, указывающий вверх — это чит; указывающий вниз — сат; а всё вместе взятое есть символ выражения через две связанные тройцы семи равных начал, которые можно назвать семью принципами Бога, и которые сведены в следующую таблицу:

Принципы		Качества Бога и идеалы человека
1	Иччха	Свобода
2	Джняна	Единство
3	Крия	Понимание
4	Майа	Гармония
5	Саттва	Истина
6	Раджас	Благость
7	Тамас	Красота

Вторая диаграмма показывает, как они распределены в великой тройце; но нужно обратить внимание на то, чтобы не считать один набор расположенным выше другого.

На своём долгом пути к счастью каждый проходит в своей эволюции через три стадии — сначала стадию сата, затем чита, и наконец — ананды. Это указывает на то, почему все существа стремятся к счастью, и на то, что все семь принципов, движущих их жизнь в мире, являются лишь средствами достижения этой цели. Даже любовь, сама суть сознания, исчезает в ней.

Человек, находясь в своей нынешней фазе в аспекте чита, думает о Боге в природе, или сате, как о чём-то внешнем, но он равно присутствует в обоих, и практически люди ищут счастья в обеих этих сферах, то есть некоторые ищут того, что представляется им величайшими вещами в жизни, "удаляясь внутрь" тогда как другие преследуют то, что кажется им истинной целью жизни, "телесно продвигаясь вовне". И всякий в основе больше стремится к какому-то одному из семи идеалов, нежели к другим шести. Божественные принципы, перечисленные в вышеприведённой таблице, таким образом становятся идеалами человека. И всё же, поскольку каждый человек принадлежит Шиве, у него, как и у Шивы, действуют семь принципов, приводя его сознание в соприкосновение со всеми семью фундаментальными реальностями жизни. И всё же, в отличие от Шивы, он наделён ими в неравной степени, и один из них всегда сильнее остальных. Он и называется его лучом. Все принципы вселенной своим притяжением всегда одинаково воздействуют на всех людей, но каждый человек откликается главным образом на тот, который является его собственным лучом. Этот принцип становится его величайшим идеалом в жизни, и может подвигнуть его сознание к самой живой жизни, на которую он только способен.

Иччха — это воля, и из наших предыдущих рассуждений о ней ясно, что состояние существа, наслаждающегося ею — это свобода. Когда в человеке самым сильным является это начало, он ценит свободу превыше всего остального. Джняна, как мы уже видели, есть мудрость, приводящее одно сознание в вибрацию в совершенной симпатии с другим. Это любовь, стремящаяся к ещё большему союзу; хотя полное единство, как и полная свобода, возможно лишь в ананде. Понимание и постижение — слова, подразумевающие деятельность умственной способности, или мысли, и человек, чьим преобладающим началом является крия, больше всего жаждет ухватить весь порядок вещей. В главе о четвёртом луче я объясню притягательность для человека принципа гармонии. А всё, что необходимо упомянуть здесь, это что у людей четвёртого луча имеет место равновесие между внутренним исканием и внешним продвижением, и счастливы они лишь тогда, когда в своей жизни могут сгармонизировать притязания внутреннего и внешнего. Кроме того, у рас и наций, как и у людей, тоже есть свои преобладающие принципы, и оставшуюся часть таблицы я смогу лучше всего проиллюстрировать, сказав, что в ранние дни арийской истории, да и теперь в Индии, именно первый из трёх идеалов обладал самой сильной притягательностью. Мы видим, что люди ищут Бога внутри, как бы они назвали это, по этим трём направлениям, которые с особенной ясностью видны в великих школах йоги Патанджали, Шри Кришны и Шри Шанкарачарьи соответственно. Но когда в эволюции арийской расы мы дошли до средней точки, до древних греков, то обнаружилось, что самой большой притягательностью стал обладать принцип гармонии, а затем мудрецы стали направлять нашу расу к исканию Бога в аспекте сата, пробуждая среди людей великую духовную жажду к открытию Бога во внешнем мире в виде истины, благодати и красоты.

Эти три стадии внешних исканий соответствуют стадиям внутренних, поскольку есть соответствие между Богом внешним и внутренним, Богом в природе и Богом в сознании. Это выглядит как соответствие между иччхой и тамасом, а потому — между волей в сознании и устойчивостью в вещах. И как будет более полно объяснено позже, это красота, вечное равновесие и баланс совершенных материальных вещей, в покое или в движении.

Как тамас соответствует иччхе, так раджас — джняне. Джняна в человеке — это любовь, энергия сознания, сводящая и удерживающая вместе многих живых существ; иччха же проявляется в нём как желание, собирание вещей и поиск всеобщего изобилия. Идеал Бога как благодати заставляет людей искать его в природе или за ней как щедрого даятеля; Богу поклоняются как сумме всех хороших вещей.

Соответствие между крией и саттвой — это соответствие между мышлением и законами природы, которые образуют истину о вещах. Человек, ищущий истину путём исследования мира — это тот, кто чувствует, что в нём есть истина или реальность, которая и есть заключительная из всех вещей, перед которой должны преклониться все прочие. Именно преобладание трёх последних идеалов в позднейших арийских подрасах и вывело на переднее место в их жизни три великие формы служения Богу в сате, или природе, которые обычно называются наукой, религией и искусством. Если у вас остаётся какая-то неясность относительно второй из этих форм, вы можете вспомнить, что европейские народы

в своих церквях поклоняются Богу и почитают его как владетеля и дателя всех благих вещей, и ценят его главным образом за то, что они называют его благостью.

Соответствие между внутренним и внешним путями искания, идеалами, ими управляющими, и их выражениями в человеческих делах показано на следующей диаграмме.

Воля-любовь-мысль, ищущие в сознании и работающие с ним	Свобода Правление	1	4 Гармония Интерпретация (воображение)	5	Истина Наука	Воля-любовь-мысль, ищущие и работающие в мире вещей
	Союз Филантропия	2		6	Благость Религия	
	Постижение Философия	3		7	Красота Искусство	

Глава X ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

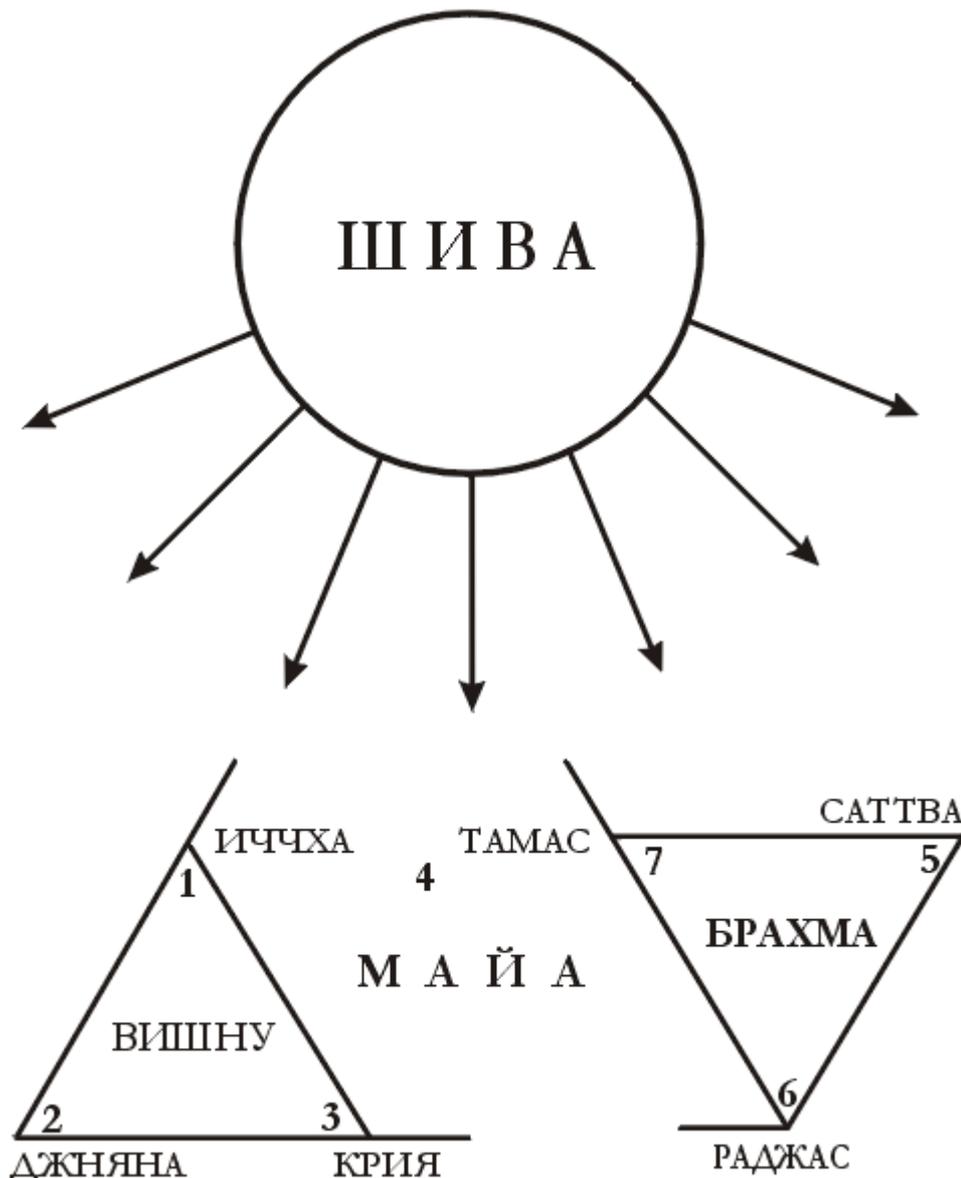
Я уже объяснил, что Шива един, и что его единство не нарушается присутствием Вишну и Брахмы, которые существуют в нём, будучи сами тройственны. Шива также в сущности семеричен, как я говорил ранее, и на что укажет следующее утверждение. Принцип, сохраняемый им за собой, иногда называют синтезом остальных шести, но в действительности это единый принцип — не составленный путём соединения других, а являющийся тем, из чего они произошли путём вывода.

В течение века проявления, или дня Брахмы, Вишну и Брахма существуют сами по себе, и поддерживаются в гармонии Шивой благодаря его йога-майе. Взаимоотношения между этими тремя проиллюстрированы на диаграмме на следующей странице.

Шива касается всех шести принципов, как отдельных от единого, через свою майю, но сам остаётся единой анандой.

Вишну обращается к Шиве через иччху и соприкасается с Брахмой через крию, в себе же оставаясь по сути джняной, любовью, вселенским сознанием, или сердцем.

Брахма обращается к Вишну через раджас, а к Шиве — через тамас, в себе же оставаясь по сути саттвой, законом, вселенским умом, или миром идей.

Сознание каждого человека есть порция Вишну, или чита, и вся его эволюция через все планы, о которой говорят теософы, — это расширение его сознания, чтобы включить всё больше и больше Вишну, которого теософы называют логосом, а многие — богом или высшим сознанием этой системы миров. Он не Бог всей вселенной, но бог сознания, и его тройственная природа — это иччха, джняна и крия. Чтобы понять это, нужно не думать вовсе о планах, а постараться осознать, что Вишну есть всецелое и всеохватывающее сознание данной системы.

Великий треугольник Оккультной Иерархии нашей планеты — важная часть Вишну, меньшей частью которого является сознание всякого человека. Поэтому три её главы — Владыка Мира, Будда и Махачохан — представляют иччху, джняну и крию солнечного Вишну, а не Шиву, Вишну и Брахму. Но поскольку Вишну сохраняет контакт с Шивой и Брахмой на протяжении всей линии сознания, а не только в "солнечной штаб-квартире", три упомянутых должностных лица выполняют эту роль для сознания нашей Земли. Потому Владыка Мира как бы смотрит в сторону мирового Бога, Шивы, чтобы сознание нашей планеты могло знать "Я" и совершать его волю, а Будда держит объединённую джняну планеты и представляет её солнечному Вишну. Обе эти функции в некотором роде скрытые — они вне царства майи. Но Махачохан, направляющий крию нашей

планеты, использует эту силу, чтобы иметь дело с тройственным Брахмой и через майю передавать сознание нашей планеты тройственному миру материи. Таким образом в его ведении оказываются пять принципов.

Вся жизнь — это жизнь Шивы, но люди проходят через фазу опыта, относящуюся к Вишну, так что, хотя все люди принадлежат к какому-либо из фундаментальных принципов единой жизни Шивы, сейчас они показывают свою сущностную природу через форму сознания. Но помните, что сознание, временной процесс, не есть истинная жизнь человека, точно так же как простое бытие, процесс пространственный, не есть его сознание. Точно так же, как для своего тела он пользуется частью Брахмы, так для своего сознания он пользуется частью Вишну, но истинная его жизнь — за пределами сознания.

И как Шива, его истинный Бог, равно един с Вишну и Брахмой, он может, будучи в сознательном состоянии маявической жизни, искать Бога, обращая своё сознание вовнутрь или наружу, к вселенским принципам, выраженным через Вишну или Брахму. Воля, любовь и мысль становятся двойственными, обращаясь вовнутрь, к сознанию, или наружу, к материи, соответственно лучу человека, наслаждающегося этим сознанием.

И всё же, хотя каждый человек живёт внутри троицы сознания, сам он семеричен, поскольку исходит от Шивы, и все семь принципов неразделимы и присутствуют в каждом человеке, хотя один из них, самый сильный в его природе, называется его лучом. Потому луч человека не только не является материальной вещью, но это даже и не отличительная характеристика его сознания — он принадлежит его отношениям с Шивой. Потому его никогда нельзя увидеть, ведь зрение — всего лишь одно из чувств, на каком бы высоком плане оно ни действовало, и его объектом всегда являются гуны — саттва, раджас и тамас. Сознание никогда не видимо, а ещё менее — истинная жизнь, ананда. И всё же, если человек видимо работает в определённом направлении и присвоил для своих проводников и целей определённые виды материи (жизни в фазе сата), можно сделать вывод, что направил его выбор работы и определил характеристики его тела именно его луч.

Когда мы говорим о луче человека, таким образом думая о его преобладающем принципе, давайте не будем забывать того факта, что у него есть и все другие принципы, а также того, что здесь мы говорим о человеке, который овладел собой по крайней мере в такой степени, что его жизнь руководится его сознанием, а не является просто набором рефлекторных действий и послушных откликов на окружающую среду. Человек, который ищет Бога с помощью своих идей, позитивен; он не погружён в сат и не побеждён им, как неразвитые люди. Он пользуется своими способностями мышления, чтобы открывать истину, или способностями чувствования, чтобы открывать благодать вещей, или силой воли, чтобы искать и открывать красоту. Все эти виды деятельности совершенно отличны от рабского и негативного состояния зародышевого человека, у которого нет иной цели в жизни, кроме того, чтобы предаваться праздным, беспечным и эгоистическим удовольствиям.

У животных лучи ярковыражены, но не так у людей, пока они не сделают достаточный прогресс в человеческом царстве; и причина этого в том, что в весьма

реальном и естественном смысле имело место падение человека. С развитием своих умственных способностей человек создал себе такую мешанину кармы и открыл себя столь многим влияниям, что его глубокие духовные чаяния обычно чем-то заслонены и скрыты даже от его собственного зрения. И всё же, если у кого-нибудь хватит терпения и умения проанализировать такого обыкновенного человека, он обнаружит, что один из его принципов сильнее других и ведёт силы его души к вселенскому аспекту его "Я".

У человека с характером, который не является слугой тела, личных эмоций, связанных с телом, или приобретённых им застывших идей, но действительно обладающего какой-то собственной активной волей, или любовью, или мыслью, луч различим сравнительно легко. Есть некоторые вопросы, которые он может задать себе — они помогут ему определить свой луч, но я приберегу их до описания конкретных лучей.

В обычной жизни людей лучи проявляются в следующих общих типах:

1. Человек воли, стремящийся к свободе через овладение собой и окружением; правитель.
2. Человек любви, ищущий единства через сочувствие и симпатию; филантроп.
3. Человек мысли, ищущий понимания через изучение жизни; философ.
4. Маг, актёр и символический художник или поэт.
5. Человек мысли, ищущий истину в мире; учёный.
6. Человек любви, ищущий Бога как благодать в мире; преданный, набожный человек.
7. Человек воли, стремящийся к красоте, которая есть Бог в мире; человек искусства или мастер ремесла.

Выражения и деятельность этих общих типов широко варьируются; из более подробного их описания, которое будет предпринято в части II, будет видно, что они включают в себя характеристики, приписываемые лучам в разных списках, опубликованных в мире.*

* На момент выхода этой книги в 1925 г. "Трактат о семи лучах" Алисы Бэйли, по которому большинство наших читателей познакомились с учением о лучах, ещё не был написан. — *Прим. пер.*

Прежде чем завершить первую часть этой книги, я хотел бы объяснить, почему я использовал образы и термины из санскритской литературы вместо других, более знакомых англоязычным народам. Во-первых, потому что сам я узнал эти истины именно в таких терминах. Во-вторых, потому что (как и в современной науке и технике) желательно иметь для новых идей новые слова, и санскритские слова тут наиболее подходящи. Эти истины всемирны, и язык, применяемый нами для них, не имеет значения — так что например, христиане в своём прочтении могут, если пожелают, заменить Шиву, Вишну и Брахму Отцом, Сыном и Святым Духом.

Часть II

СЕМЬ ЛУЧЕЙ

Есть семь основных групп дхьян-чоханов,.. которые можно найти и распознать в каждой религии, ибо они — изначальные Семь Лучей. Человечество, как учит нас оккультизм, разделено на семь отчётливых групп.

"Тайная доктрина"

Глава XI ПЕРВЫЙ ЛУЧ

"Править собой или зависеть только от себя — счастье, управляться другими — беда", — сказал ману нашей расы. Это выражает чувства человека первого луча, потому что это первый из трёх лучей независимости и интуиции.

Люди этих трёх лучей называются независимыми, потому что смотрят на мир не как на учителя, щедрую мать или прекрасный дом, а скорее как на место для приключений доблестной воли, солнечного сердца или устремлённого ума, будто пришедших из дальней страны совершать подвиги. Такой человек полон инициативы, потому что не ждёт вещей и событий, которые побудили бы его к действию, а склонен относиться ко всем им (иногда без должного почтения) как к фишкам в игре, в которую он играет, или материалам для плана, который он приводит в исполнение. Он называется человеком интуиции, потому что в этой игре жизни он намеренно пользуется своими способностями мышления и чувствования, и они растут этими упражнениями. В воле он устремлён больше чувствовать "Я", в сердце — больше чувствовать жизнь, в уме — больше чувствовать вещи — он ищет Бога или счастья в этих предметах внутреннего сознания и использует для этого жизнь, в то время как другие со своими способностями и умениями мысли, воли или чувства ждут чего-то от великого внешнего мира и учатся через те наставления, которые даёт природа.

Оба этих великих пути ведут к тому же результату — росту всей жизни, как внутренней, так и внешней. Ведь когда человек ищет божественное в природе, её красота, щедрость и истина работают над ним и развивают силы его души; а когда он пытается дать полное применение силам, которые он чувствует в себе, он обнаруживает, что это можно сделать, лишь используя их для улучшения внешнего мира. Потому на самом деле каждый человек удаляется вовнутрь и выдвигается вовне в то же самое время.

У человека воли на первом луче доминирующей нотой является самоуправление. Если вы принадлежите к первому лучу, ваше чувство "я" будет сильным (а если вы ещё не очень развиты в других отношениях, оно может быть и конфликтным). Среди разных вещей и событий оно склонно придавать вам твёрдость и устойчивость, которую вряд ли сможет поколебать или изменить что-либо в мире, а также позитивный настрой в действиях и храбрость, позволяющую относиться к

жизни как к приключению и не искать убежища или покоя среди вещей. Если вы очень сильны в этом, то во всём огромном мире для вас не будет "дома", а центром и точкой равновесия вашего существа будет собственное достоинство. Это не то внешнее достоинство, которое настаивает на признании со стороны других, или работает для этого (такие труды — признак зависимости от внешнего), а высокое чувство истинного состояния человека, его собственного существа, и доходящего до ужаса отвращения к чуждому персту навязчивых событий или людей, который может вторгнуться в его святилище. Поскольку никто не может увидеть красоты, не восхищаясь ею (хотя некоторые могут смотреть, но не видеть), и поскольку никто не может увидеть истину, не чтя её, так и никто, чувствуя касание "Я" внутри, не может не быть ревностным жрецом в его святилище. Это благородство далеко от гордости; такой человек слишком горд, чтобы гордиться. Оно создаётся не чувством превосходства, поскольку совершенно не подразумевает сравнения с другими и не желает меряться силами. Ваша воля — быть единым с другими на равных и говорить "намаскар" и Богу, и нищему. Вам не так интересно, кто вы есть, как то, что вы вообще есть. Вы человек превыше мечтаний, живущий изнутри.

Из-за этой живой силы, чувствующейся в жизни человека, идеал первого луча — это независимость или жизнь изнутри, свобода от ограничений среды и склонность управлять обстоятельствами и находить способ изменить их так, чтобы они соответствовали вашим планам. На шахматной доске жизни у человека этого типа всегда будет план нападения, который он приведёт в исполнение при первой же возможности, игнорируя ходы противника, насколько ему хватает смелости, и используя всякий ход и всякую имеющуюся фигуру для атаки, которую он задумал. Для воли характерно стремиться к своей цели всеми возможными средствами, иначе говоря, постоянно занимая ум этой задачей, так что рано или поздно он обязательно найдёт путь к цели.

Именно это чувство собственной божественности и заставляет такого человека сказать "я сделаю это", даже когда он ещё не знает, как именно это можно сделать, поскольку безотказная интуиция говорит ему, что "Я" внутри — судья в последней инстанции и абсолютный вершитель своей собственной судьбы, как и опора своей собственной стойкости и силы. Мысль в нём постигает "я", преданность поклоняется ему, руки трудятся для него, а всякая прочая часть любит его, и потому он может действительно изъяслять волю всей своей жизнью и всем своим существом. В силу этой внутренней устойчивости такой человек обычно прекрасно переносит трудности и беды, и дружелюбно смотрит на разрушение, никогда не прекращающееся в царстве природы. Некоторые ужасаются жестокому закону природы и восстают против него, но он видит в нём свою же собственную силу в большем масштабе, и любит его, как сильный человек — достойного противника. Он ценит чужой труд и его значение для трудящегося, и когда что-либо сделано хорошо, он чувствует за этим волю, и она являет для него торжествующее настроение, с которым он может оседлать силы мира — точно так же, как в меньшем масштабе опытный пловец знает, что в воде он в безопасности, и полусознательно вводит себя в это настроение, прежде чем войти в неё. И точно так же, как для него хорошо плавание, а не вода, так и человек воли неподвластен иллюзии самосущей ценности внешних вещей. Он не трудится ради

удовлетворения от приобретения некоего материального положения, которое обеспечит дальнейший покой или комфорт, так что разрушение и неудача не вгоняют его в депрессию. Когда появляется какая-нибудь новая цель, он всегда готов расчистить поле для деятельности и дать старым вещам уйти, или смести их с дороги. Пожалуй, он иногда даже несколько нетерпим к вещам, которые не являются необходимыми, или к людям, которые вносят в работу ненужные чувства, слова и мысли.

Обычно у него всегда есть какой-то план, а когда он исполнен, на смену ему приходит другой, и они сменяют друг друга столь же регулярно, как морские волны. Иногда вы можете застать его в разрушительном настроении, с огромным весельем рвущим старые письма и бумаги, выбрасывающим старые книги, мебель и одежду, или в случае путешествия стряхивающим их с себя, подобно собаке, отряхивающейся от воды. Он готовится приступить к какому-то новому приключению, гордый своей обнажённой силой, когда члены его свободны, а ноздри вибрируют. Такого духа разрушения не видно у человека второго луча, который лелеет каждую вещь, потому что она говорит о человеческих трудах и стараниях и воплощает что-то от души и энергии человека. Я знал одного высокодуховного человека этого луча, который всегда разрезал конверты из-под полученных им писем, разворачивал их и использовал их чистую внутренность для собственного письма — не потому что был скуп, но потому что любил труды человека, хотя сам называл это экономией и нежеланием транжирить. Человек третьего луча посмотрит дважды, трижды и ещё раз на предмет, который больше не нужен, а затем отложит его подальше, сказав, что возможно когда-нибудь он пригодится для чего-нибудь ещё.

Время человека воли в области политэкономии ещё не наступило, но когда оно придёт, мы увидим, что он уважает потребителя так же, как и производителя. Грубо говоря, он может сказать, что людям стоит платить за поглощение пищи и пользование другими товарами так же, как и за изготовление этих вещей; хотя, конечно, когда наступит его день идеальной анархии, — а это будет в отдалённом будущем, после того, как человечество усвоит урок братства, — никакой платы никому вообще не будет нужно.

"Я" священно. Так что неудивительно, что люди уважают свои личности, поскольку это единственные "я", которые им известны, и что личные оскорбления и насмешки для людей, которые ещё не очень ясно ощущают "я" внутри, являются величайшей пыткой. Презирать личность — не лучшая политика, ибо бог, стоящий за идолом, — настоящий, и если он временно валяет дурака или исполняет роль чёрта, сила этих персонификаций исходит от бога внутри, который в конце концов явит себя настоящего. Таким образом, личность — настоящий товарищ и лучший друг человека на земле, даже если иногда кажется, что она действует, как враг.

Эта самая воля в человеке и придаёт вещам чувство реальности, делая собственный опыт последним критерием реального, на котором уже основывается всякое чувствование и мышление. Свидетельство других, если расходится с ним, не имеет ценности, и если человек первого луча следует за учителем, то дело обстоит не так, будто он подчинился другому, ибо учитель принимается тут скорее

как проводник, чем как наставник; и когда он следует за лидером или капитаном, он делает это, потому что сам выбрал этот путь. Если капитан скажет: "ты должен", он ответит: "а я так и хочу", и если капитан парирует "ты должен сделать, потому что я так говорю", он ответит: "я решил подчиняться вам, и делая это, я тем самым следую собственной воле". Он может не сознавать это столь ясно, но фактически для него нет иного пути, кроме как следовать своему внутреннему "я".

Человек этого луча чувствует, что жизнь предназначена для деятельности, и потому на него сильно давит потребность принятия решений в практических вопросах. Если он медлит с решением какого-нибудь вопроса, то это не от безволия, а потому что он решил отложить суждение. Однако он сравнительно редко так поступает, и скорее предпочтёт какое-нибудь временное решение, подлежащее будущему пересмотру, чем ничего не решит. Он чувствует, что должен сделать свой ход, даже если не видит ясно, что впереди. Потому он может обнаружить, что гораздо больше учится на опыте последствий своих действий, чем на размышлениях о том, что может случиться, если он поступит так или иначе. Также он подвержен некоторой опасности негибкости в своих решениях и может быть не столь готов, как было бы желательно, пересмотреть своё решение вопроса или порядок действий. Он решил, и не станет вновь выносить вопрос на рассмотрение и менять своё решение, если только намеренно не решит изменить его, и тем, кто с ним работает, иногда бывает трудно устроить так, чтобы он это сделал. Иногда может быть даже так, что незаметно для себя он примет что-то как само собой разумеющееся, просто потому что раз в его уме решение об этом уже принято, это должно быть фактом. Он спроектирует своё сильное внутреннее убеждение в царство природы, полагая, что так оно и есть, и не желая пойти и посмотреть, действительно ли это так. Всё это происходит в силу того простого факта, что воля — самое сильное его начало, которое постоянно правит его мыслями и эмоциями, поляризуя их согласно своей основной цели или своему преобладающему настроению.

Конечные настроения нашего существа глубоко скрыты в "я", а воля, таким образом — лишь "я", обращённое к последовательности событий. Поскольку предназначение всех людей одно, все они в глубине своего существа хотят одного и того же, и полная свобода достижима только благодаря этому фундаментальному единству. И если медитирующего йога называют покоящимся на камне, этого человека мы можем уподобить железной колонне. Его временная свобода заключается в его способности, подобной имевшейся у некоторых из древних стоиков, отказываться уделять внимание вещам, которые находятся всецело вне его власти, ибо он сам себе полный хозяин, а потому и хозяин всего того, что есть в подвластном ему мире. Для такого человека не имеет значения, если он окажется одинок в своём мнении, а все другие люди будут против, — это не станет для него поводом для сомнения в своей истине. Если он высоко развит в других отношениях, то конечно же, он с уважением рассмотрит другие мнения, но этим и ограничится. Также, установив для себя стандарт поведения, такой человек будет сохранять его среди не симпатизирующего ему мира, стоя в одиночестве, поскольку никогда не ведёт себя подобно хамелеону, и не заимствует свой цвет

извне. Потому Хранителями Человечества он избран инициировать на Земле новые направления жизни.

Поскольку воля есть способность к самоизменению, то человеку, идущему по этому пути, легко даются самоконтроль и практика аскетизма. Человек первого луча правит собою железной рукой. Если такой человек узнает, например, что мясная пища плоха, будь то с физической или нравственной точки зрения, он бросит её безо всяких усилий, и если тело поднимет свою голову и скажет "я хочу оленины, неужто ты лишишь меня её вкуса на всю оставшуюся жизнь?", он без колебаний ответит: "да, именно так". Если он считает, что какие-то упражнения или практики хороши, он будет выполнять их, и неохота или инерция тела его от этого не удержат. Во всём этом не будет ни напряжения, ни возбуждения, ибо простая причина этого в том, что воля — самая спокойная вещь на свете. Иногда люди думают, что большой и бурно доминирующий человек и есть человек воли, но это не так; он ведёт себя так именно потому, что полусознательно знает, что сам может быть подчинён подобными бурными вещами, действующими на него извне — чему человек воли никогда не подчинится. Нет, воля — спокойнейшая в мире вещь.

И человек самоконтроля будет считать свой аскетизм не самоцелью, а просто хорошей жизнью чистого "я", чья чистота священна не как собственность или достижение, но в силу самого своего существа.

У индийцев в их национальном характере мы можем видеть, возможно, величайшее проявление этой силы. В Индии есть много людей, которых мало заботят внешние вещи, коль скоро "я" удовлетворено внутренне, и иногда в практических делах вы можете встретить людей, которые сильны в этом, но имеют недостатки в каких-то других частях своей природы, и они будут очень хотеть, чтобы вы думали, что у вас свой собственный путь, и были счастливы в этой иллюзии, тогда как внутри они наслаждаются осознанием, что у них свой собственный путь. Первый луч — часто странно молчаливый путь, и даже звук, который слышится внутри — это голос безмолвия, и на пути йоги этот молчаливый звук будет водителем человека в гораздо большей степени, чем любое зрительное ясновидение. Среди практических философий Индии типичной для этого луча является философия Патанджали — его Йога Сутра содержит учение для человека воли. В качестве цели стремлений ученика он предлагает кайвалью, или независимость, а в качестве ступеней к этому достижению — контроль "я" над телом, чувствами и умом. Даже в своём подготовительном курсе, где говорится о необходимости чтить божественное во всех вещах, тем достигая правильного знания, эта школа на первое место ставит тапас, который, будучи понят правильно и широко, означает самоконтроль и владение собой во всех отношениях.

У древних греков и римлян этот луч дал рождение школе стоиков, и высшего осуществления данный аспект этой великой философии достигал особенно среди римлян. Тогда каждый человек, который был действительно стоиком, чувствовал благородство "я" — человек мог выйти из своего горящего дома и увидеть, что труды всей его жизни пошли прахом, и сказать, что он не потерял ничего, поскольку нет богатств вне "я". Это вещь, которую он ощущал как факт и знал, что

это так, поскольку мог определить, что этот опыт, каким бы болезненным он ни был, нужен, чтобы обогатить его жизнь.

Я не говорил о недостатках этого луча, потому что ни у одного луча нет такой вещи, как недостатки. Может быть так, что человек какого-то луча не достиг ещё общего стандартного уровня в других принципах своего состава, и в таком случае человек воли может оказаться скорее эгоцентричным, подавляющим, хитрым, безрассудным, грубым, неделикатным, и невнимательным к тому, что не имеет отношения к его целям, но эти недостатки надо приписывать не его силе в одном направлении, а его слабостям в других. Путь их исцеления — не в уничтожении силы, которая в нём уже есть, не в остужении горячих стремлений его характера, а в направлении их в лучшие каналы, дабы он мог осознать, насколько богаче может стать его жизнь и насколько шире — её сфера, если он научится любить и мыслить так же, как научился он владеть волей; если он научится уважать всё, что есть прекрасного, доброго и хорошего в удивительном мире бытия, который есть божественная школа для всех нас.

В детях иногда можно обнаружить эту волю в виде любопытного упрямства. Ребёнок хочет сделать что-то и уже фактически собирается это сделать, как вдруг какой-нибудь невнимательный взрослый говорит, что он должен сделать это. Тогда вся радость уже отравлена, и ребёнок сопротивляется, громко возражая или проявляя молчаливое упрямство. Я слышал о маленьком мальчике, примерно шести лет, мать которого хотела, чтобы он носил какую-то рубашку, но предложила её ему в форме, столь неприятной для его темперамента, что он с негодованием отказался. Тогда позвали отца. У ребёнка не было настоящего отвращения к этой рубашке, и чтобы его уговорить, было достаточно нескольких добрых слов, но отец ударил его, и тогда, сквозь зубы, ребёнок процедил: "теперь я не надену её даже если ты убьёшь меня!". Невежественные родители и старшие пытаются сломить дух таких детей, сделать их более вежливыми и послушными, и иногда им удаётся превратить их в обычных благопристойных людей, чья доброта оказывается по большей части никакой, будь то для них самих или кого-либо другого. Они хороши просто тем, что не плохи, подобно тому, как идея о мире у большинства людей заключается в представлении об отсутствии войны. Если бы к ребёнку относились с любовью, на которую он мог бы ответить, и к его воле прибавилась бы любовь, то в дальнейшей жизни человек обладал бы любовью, за которой стоит сила, и с этим мог бы совершить в мире великие дела.

Если жизнь человека первого луча вовлечёт его в работу в правительстве или в общественную деятельность, а такой долг часто ему выпадает, то он исполнит его хорошо, потому что в самоуправлении он нашёл свою собственную способность свободы. Если он к тому же любит своих товарищей, он будет пытаться принести эту свободу другим — не навязывая им правила извне, но приглашая волю, живущую в них, занять более заметное место в их жизни. Чистый и хороший человек любого луча желает лишь дарить другим радость того идеала, который он нашёл для себя, а если он ещё и мудр, то использовать свою силу и для служения их идеалам.

Глава XII ВТОРОЙ ЛУЧ

Характеристика второго луча — это любовь, положительное выражение в жизни той мудрости, которая через симпатию воспринимает состояние сознания других существ и учитывает его, имея с ними дело. Это также луч инициативы, потому что любовь — это активная энергия души, раджас сознания, и вся его деятельность стремится к тому, чтобы способствовать братству и сделать наше единство друг с другом в жизни ещё более полным.

Люди, не принадлежащие к этому лучу, хотя и способны много сопереживать другим, как в их радостях, так и в их бедах, и понимают блага, которые несёт людям сотрудничество, всё же не могут легко осознать, что единство — не что-то такое, что нужно устроить, а факт, и что братство — нечто большее, чем сотрудничество, ибо оно включает в себя и чувство, тогда как сотрудничество — нет. Когда в сердце любого человека достаточно устанавливается это чувство единства, он обнаруживает, что уже не думает о других с точки зрения того, как они обогащают его собственную жизнь и продвигают его собственные цели, а при помощи некоего тонкого чувства находится в соприкосновении с их сознанием, так что их жизни и их цели уже интересуют его так же, как и свои собственные. По мере развития человека второго луча сфера этой чувствительности только увеличивается, и он становится идеальным отцом или идеальной матерью, идеальным гражданином и патриотом, и наконец, братом всему человечеству, так что на кого упадёт его взгляд, того он и любит.

Таким образом, он несёт в своём сердце разрешитель всех социальных проблем — великую силу любви, и не последней из его добродетелей будет универсальность этой любви, заставляющая его уважать не только себе подобных и любезных ему этой простотой, но и тех, кто совершенно отличается от него по типу или по степени развития. Более того, это чувство заставляет его почти почитать тех, кто не похож на него, как обладающих какой-то частью великого и вселюбящего света сознания, которое он ещё не смог включить в ту малую его часть, что считается его собственной. Для счастья ему не нужно обладать средствами получения удовольствия и развлечения, но настоятельно необходимо, чтобы другие имели их, так что вся его деятельность находит выражение в альтруизме, а его совершенная любовь изгоняет, жадность, страх и большинство причин возможных конфликтов между людьми. Я слышал о бедняке, который сидел возле ворот богатого человека и мог наслаждаться его удовольствиями, не страдая в то же время от бремени собственности. Наблюдая, как проходят богатые и процветающие люди, а иногда поглядывая в витрины огромных торговых центров, он имел всё, чего мог желать. Я также слышал о человеке, который, вернувшись из путешествия, потерял дорогие золотые часы, но не сокрушался: "ох, увы, я потерял часы", а даже с некоторым оттенком удовольствия воскликнул: "ну что ж, должно быть, кто-нибудь их нашёл!". Эти люди, может быть, и не были идеальными представителями второго луча, но ясно демонстрировали этот тип.

Настоящие люди второго луча согласны страдать ради своей любви, но несомненно, экстаз этого скрывает от их глаз жертвенную природу многого в их жизни. Это не те люди, которые помогают страдающим просто чтобы избавиться

от своего собственного страдания, которое они испытывают благодаря сочувствию, и стараются первым делом избегать сцен страдания и убрать их с глаз долой, чтобы можно было о них забыть. Они готовы принять мир со всеми его несовершенствами и смесью страданий и удовольствий, и скромно сказать: "Один Бог благ, а это всё лишь относительно лучше и хуже, но всегда есть место для удовольствия и причина для радости, потому что худшее становится лучшим, а каждое деяние доброты, дружбы или служения служит улучшению, которое в конце концов приведёт ко всему тому, что мы считаем хорошим." Учение об эволюции жизни, всегда идущей вперёд и вверх, обладает притягательностью для людей этого типа и наполняет их энергией, которая делает их любовь не просто чувством, но позволяет ей проистекать в служении на пределе её возможностей.

Вот почему эволюционная гипотеза должна быть для таких людей очень привлекательной — это закон любви, выраженный в жизни мира. Давайте возьмём самое эффективное её определение, данное много лет назад Гербертом Спенсером. Он сказал, что она предполагает постепенное изменение от состояния бессвязной однородности к связной разнородности структуры и функций. В простых словах это означает, что каждый организм в мире, являющийся носителем и выразителем сознания, становится более определённым и независимым, приобретая более ярко выраженный собственный характер, но в то же время он входит в единство с другими, где его собственные функции применяются для продвижения чего-то большего, чем его отдельное "я". Это значит также, что вещи, которые раньше были подобными и отдельными, становятся разными, но объединёнными, и в идеальном конце закон и порядок восторжествуют над хаосом и тьмой, и все каналы будут усовершенствованы для универсального взаимодействия жизни на земле, как и на небесах. Быть частью этой движущейся волны сознания — радость для человека второго луча, и он не будет сетовать на то, что волна не становится выше, но будет принимать все жизни вокруг себя такими, каковы они есть, без глупого брюзжания и критицизма, и использует всю силу своего существа, чтобы помочь им ещё немного раскрыться. Этот путь развития человека в Индии называют карма-йогой. Я знаю, что это заявление революционно, но оно верно, а вот расхожее представление, согласно которому основной характеристикой этого пути является труд или действие, ошибочно; разделяющие это мнение не замечают, что именно любовь человека превращает карму в карма-йогу. Кришна учил пути любви, у которого есть два больших ответвления; один из них — бхакти-йога, преданное служение Богу, а другой — карма-йога, преданное служение человечеству. Что может быть яснее его наставления, данного Арджуне? "Воистину как Джанака и другие достигли совершенства действием, сознавая единство всех людей, так должен действовать и ты".*

* Бхагавад-гита, III.20.

Потому для настоящего второлучевого человека невозможно отшатываться от мира действия и говорить: "он недостаточно для меня хорош", или пренебрегать потребностями в его служении, которые возникают повсюду, в большом и в малом. Таков соответствующий его природе подход к творению добра. Для него нет в жёсткой форме установлений, "это хорошо делать, а это плохо", но для него хорошо — это сделать что-либо лучше, чем оно было раньше. Я знаю одного

судью, возглавляющего верховный суд в стране, где для убийц закон требует повешения. Основой всего его мышления, как частного лица и истинного индуса, было совершить столько добра, сколько в его силах, и не нанести никому вреда, и в то же время его долг часто требовал приговаривать убийц к смерти. Некоторое время назад один из его духовных друзей подошёл к нему и спросил: "Разве совместимо с твоими идеалами быть ответственным за смерть своих собратьев, пусть даже они — люди низшего сорта? Разве тебе не следует оставить должность, которая требует от тебя этой жестокости? Почему ты соглашаешься быть исполнителем такого жестокого закона?". Судья глубоко обдумал это, и в конце концов пришёл к ясному решению, почему он не должен оставлять этот пост. Он сказал: "Может случиться, что там, где я, любящий даже убийц, отправлю на казнь одного человека, потому что не смогу спасти его, мой преемник обречёт на смерть четырёх, и если даже карма поразит меня за человека, которого я осудил, я должен выносить её ради тех трёх, которых я спас." Этот человек не нарушал закона любви, и не отнимал жизнь одного ради спасения другого, но исполнял этот закон в самой полной мере и спасал жизни.

Я также знал одну женщину, жившую в многолюдном городе, где очень примитивно решали вопрос о том, как избавиться от бродячих кошек и собак. Муниципалитетом были наняты два человека; один ловил бродячих животных, а другой их убивал. Каждому из них платили соответственно количеству животных, которым давали краткую отсрочку в три дня между отловом и смертью. Эта женщина, которая очень любила животных и не могла перенести их страданий и мыслей о постоянно подстерегавшей их опасности, вместе со своими друзьями основала общество, с некоторыми известными и ответственными людьми в качестве попечителей. Они обратились к муниципальному совету и предложили взять на себя все заботы о бродячих животных, и избавить муниципалитет от этой проблемы. Муниципалитет согласился, предоставив им старое здание и двор, а женщина стала управлять новым заведением. Они наняли человека, работавшего за хорошую и фиксированную плату, который ездил на фордовском фургоне и отлавливал в него кошек и собак. Они хорошо обращались с животными и выдерживали их у себя три недели, оповестив весь город, где можно найти пропавших животных или приобрести новых, и только в конце этого срока отправляли неостребованных на смерть. Гуманизм этой женщины был таков, что эту худшую из всех обязанностей она выполняла собственноручно, чтобы это можно было сделать насколько возможно безболезненно. Человек второго луча творит добро не чтобы получать от этого эгоистическое удовольствие, а по любви сердца.

Второй луч — луч братства, и человек этого луча стремится делать добро, строя храм человечества. Он видит, что одними только планами, правилами, соглашениями и сотрудничеством не добиться в этом больших успехов — без любви они не могут обеспечить мир для человечества.

Люди второго луча дают лучших учителей и врачей. Около двадцати лет назад я читал статью знаменитого оксфордского профессора Бернарда Босанке, где он говорил, что самых блестящих учёных не рекомендуется брать на работу в качестве преподавателей, потому что эти люди освоили свои предметы с величайшей лёгкостью и не в состоянии понять состояние ума среднего студента.

И конечно же, качество любви нужно больше, чем что либо ещё не только в воспитании и образовании, раскрывающем человеческие способности в ребёнке, но и в передаче специальных знаний. Всякий знает, что в большинстве случаев врач, способный к живому участию, бывает не только самым популярным, но и самым успешным.

Есть много областей жизни, открытых для людей любого луча и всех уровней развития. В современной экономике человек второго луча, помимо многих профессий, может быть идеальным дистрибьютером, равно как оптовиком или владельцем магазина. Он будет там, чтобы доставлять людям именно то, что им нужно, быть удобным им, обеспечивая их теми вещами, которые будут им полезны. Он станет справедливым судьёй товарам, которые продаёт, его цены будут справедливыми, и он будет избегать всех товаров, произведённых негуманными средствами. Сейчас модно считать бизнес просто средством получения денег и думать, что добро можно творить только вне его, но налицо простой факт, что это одна из величайших возможностей для служения человечеству.

Иногда думают, что признаком этого луча является лёгкая дружба, но это не так. Я знавал джентльмена, который был исключительно тихим человеком, и за всю свою долгую жизнь не завёл друзей за пределами своего ближайшего семейного круга. Однажды я спросил его, как же это получилось, и он ответил: "Фактически, я не могу играть в дружбу. Если я заведу друзей, то я должен стоять за них горой во всём, во всех их бедах и трудностях, а поскольку меня хватает только на жену и детей, и я не могу рисковать их благополучием, я не завожу друзей." Это был человек великого сердца в сочетании с мышлением третьего луча, всегда готовый пожертвовать собственными удовольствиями или развлечениями ради других, но совершенно неприметным образом.

Конечно, ни у какого из самих лучей нет недостатков, но люди второго луча могут демонстрировать очень серьёзные недостатки, если им случится быть пока ещё ниже разумного стандарта в развитии качеств других принципов. Например, в мире есть много людей, которые очень страдают, когда думают о некоторых ужасах, скрывающихся за нашей цивилизацией, а иногда и лежащих на её поверхности. Они ни делают ничего для их устранения, потому что в их натурах мало воли или практичности, но они делают себя несчастными и беспокоят других постоянными жалобами на то, что почти вся власть и все деньги мира каким-то образом попали в руки людей, которые не любят своих ближних. Если бы они использовали хотя бы ту малую энергию, которая у них есть, чтобы творить то добро, которое в их силах, то не добавляли бы к существующей сумме человеческих бед свой собственный несносный характер, а готовили бы себя к применению большей силы в будущем. В этом мире закона существует такое условие, что никто не получает никакой власти или возможности, ради которой не работал.

Подобен этому также и ещё один недостаток — доведение альтруизма до абсурда, как было у поэта Голдсмита, который посреди ночи кинул в окно все свои постельные принадлежности какому-то бедному бродяге, шедшему по улице. Другим не будет счастья от того, что они узнают о том, что вы за них страдаете, и

люди, не делающие то, что им надлежит, чтобы сделать свою собственную жизнь приятной и радостной частью окружения остальных, сами являют собой серьёзную беду для мира. Выбросы того, что называют праведным гневом, также нередки для этого луча, тогда как человек первого луча, когда обстоятельства расстраивают его, больше склонен удалиться в ледяную отстранённость, а человек третьего луча — больше подвержен страху.

Существует также очень частая опасность того, что великая любовь без широты натуры и либеральности может в других отношениях оказаться для того, кого любят, скорее вредоносной, чем благотворной, будучи стискивающей. Рассказывают историю о девушке в Америке, которая жила в небольшой квартире с матерью и младшей сестрой, и поддерживала их своими заработками — она работала в конторе в городе. Как и полагается, она влюбилась с одного молодого человека, который захотел жениться на ней и освободить её от обязанностей в конторе, чтобы вести своё хозяйство, но к большому огорчению обоим она не могла сделать этого, потому что надо было учитывать ещё её мать, которая не всегда хорошо себя чувствовала, и сестру, чьи планы на будущее требовали поступления в дорогой колледж, хотя пока она была ещё подростком. Пока они находились в этом затруднительном положении, её наниматель, пожилой джентльмен, благосклонно настроенный к ней и в то же время проникательный наблюдатель, прознал про это, и очень скоро увидел, что ни мать, ни сестра не получают никакой пользы, ни в смысле телесном, ни в смысле характера, от тех привычек самопотакания, к которым постепенно привела их доброта его работницы. Потому он предпринял весьма поразительный шаг — в один прекрасный день он вызвал её к себе в кабинет и сурово сказал ей, что она уволена. Других перспектив у неё тогда не было, и для семьи всё стало выглядеть в чёрном свете, потому что людям пришлось теперь жить по средствам. Но скоро средство оказалось эффективным, потому что мать поняла, что должна что-то делать сама и устроилась работать в магазин, где скоро и забыла о своих маленьких недомоганиях, которые от такого сурового лечения тут же отступили. Она завела многочисленных друзей, так что её жизнь стала яркой и интенсивной, тогда как младшая сестра отбросила некоторые из своих несбыточных мечтаний и отправилась зарабатывать на дальнейшее обучение во время каникул. Молодые люди поженились и счастливо жили, пользуясь покровительственной дружбой прежнего нанимателя. Перенести хромого собаку через ступеньки — правильно, но было бы глупо и даже недобро нести её всю дорогу.

Глава XIII ТРЕТИЙ ЛУЧ

Недавно мне попала реклама, где был изображён молодой человек с девушкой; они стояли у прилавка кондитерской, и он покупал ей шоколадки. Надпись на рекламе гласила: "Шоколадки Джонсона: от парня, который понимает, девушке, которая знает". Девушка знала, что шоколадки хороши — это знание пятого луча; молодой человек понимал, что они для неё значат — это понимание третьего луча.

Человек третьего луча столь же чувствителен к вещам, как человек воли чувствителен к "я", а человек любви — к сознанию в других существах. И всё же, поскольку он на одном из первых трёх лучей и находится среди тех, кто ищет "я", Бога или счастье внутри, вещи интересуют его лишь по причине их влияния на состояния сознания. Он — философ, стремящийся к постижению или пониманию, и чувствует, что именно от этого зависит счастье, и что даже если мир будет изобильно проливать свои красоты на людей и все будут жить в мире и братстве, счастья будет не хватать, если не будет средства понять значение всех этих вещей для души. Он активен по отношению к вещам, но только в интересах сознания.

В конце концов, понимание — это состояние ума, в котором он схватывает мир в целом в единой постигающей мысли, удовлетворяющей душу, и цель человека третьего луча первым делом не получить знание, а удовлетворить этот голод души. Если эта его способность, которая позволяет увидеть множество вещей вместе, а потому понять их, обращена вовне, в деловую жизнь, мы находим, что это человек с великолепным умом организатора или инженера, который может увидеть способ, как сделать то или другое. Когда эта способность соединена с волей первого луча, она может дать великого гения в этой области. Его особая сила — это мысль, и работая с людьми первого и второго лучей, он может видеть, как всё организовать, чтобы их любовь и стремление применялись наиболее эффективно.

Спросите человека этого типа, как он подойдет к какому-нибудь практическому вопросу, например приёму учителя в школу, которой ему доведётся заведовать, и он ответит: "дайте мне десять минут подумать", и вероятно, начнёт задавать вопросы — не потому что хочет, чтобы кто-нибудь за него думал (чего он терпеть не может), а потому что ему нужна информация, на которой он мог бы хорошо основывать свою мысль. Он — человек осмотрительный, и если у него окажутся серьёзные недостатки в других началах, иногда может случаться так, что он обдумывает дело столь тщательно, что возможность сделать его уйдёт раньше, чем он решит, как сделать лучше.

Способность третьего луча даёт людям очень широкий ум и возможность пройти свой жизненный путь по многим разным направлениям, но из-за этой свободы от принуждения и широты возможностей, которыми наслаждается человек этого луча, ему иногда оказывается настолько трудно сузить себя, что он не может сосредоточиться на одном направлении с достаточной энергией, чтобы достичь того, что обычно называют успехом в жизни, там, где человек более узкой природы, сосредоточенный своими ограничениями, мог бы пройти и добиться победы.

Он владеет силой мысли, которая придаёт форму материи, и может обратиться к науке, искусству, магии или чему-то иному, не будучи ограничен предрасположенностями, которые дают представителям некоторых других лучей столь большую силу для действия в определённых направлениях. Когда человек сосредотачивается, он использует силу своей воли, чтобы свести своё внимание в сильный фокус, и удерживает свою мысль в этих границах; когда он медитирует, он становится един с предметом медитации, давая каждой его части насколько

возможно полное внимание, впуская в него все свои мысли по этой теме; но когда он созерцает, имеет место уже третий акт, при котором он как бы фиксирует усовершенствованную мысль, и тогда сила мысли, сосредоточенная в этом ментальном образе, придаёт форму материалу, направляя природные силы, подобно магниту, притягивающему железные опилки. Это — великая творческая сила, применённая в самом начале солнечным Брахмой — не просто медитация, но нечто большее, именуемое самьямой, которая начинается сосредоточением, а заканчивается созерцанием, и открывает дверь всем достижениям. Йоги всех этих трёх лучей могут практиковать полную самьяму, но этап сосредоточения будет наиболее совершенно проводиться человеком первого, этап медитации — второго, а созерцания — третьего луча. Можно понять, какой силой должен обладать адепт, у которого все эти лучи развиты до предела доступного человеку совершенства.

Подходя к проблемам жизни, человек третьего луча всегда скажет: "Истина сделает нас свободными. Дайте нам понимание, и действие обязательно последует, так что нам не нужно об этом беспокоиться. Приятной или неприятной будет истина — мы хотим её. Не обращайтесь внимания на наши чувства." Потерпев неудачу в любви или в действии, он не ощутит на себе пятна, но неудача в истине заставит его очень горько раскаиваться.

В силу широты своего видения и оценки вещей только как пищи для голодного ума, человек третьего луча смотрит на все вещи в значительной мере одинаково, но это "одинаковое" склонно быть лучшим, а не худшим. Он — тот мудрец из восточных писаний, о котором говорится, что для него все одинаковы — друг или враг, золото или кусок глины; и конечно же, это значит не то, что золото — в конце концов глина и не особенно ценна, и что друзья в конце концов не более ценны для души, чем обычно считаются враги, а что все вещи ценны и значимы для человека, который открывает жизнь для их использования — глина так же ценна как золото, а враг — на самом деле друг. Эмерсон сказал: "Для поэта, философа и святого все вещи — дружественны и святы, все дни — священны, а все люди — божественны; ибо глаз его сосредоточен на жизни и пренебрегает обстоятельствами." Стоящий за этим принцип был хорошо выражен Эпикетом, сказавшим, что Бог послал его в мир с единственной целью совершенствовать свой характер во всех видах добродетели, и нет ничего во всём мире, чего бы он не мог использовать для достижения этой цели.

Человек третьего луча видит, что вещи, которые люди обычно называют враждебными, считаются такими только потому что они неприятны для их чувств или нарушают комфорт ума, наполненного предвзятыми мнениями; но все они могут быть обращены на великое благо, когда принимаются в верном духе, как нечто из рук Бога, который есть даятель всех вещей. Он также видит значение незначительных вещей и чудо самого обыденного. Для него всё чудесно, но ничто не загадочно. Травинка расскажет ему о бесконечности, тогда как другим для этого нужна гора или целая вселенная звёзд. Когда учёный скажет: "здесь нет чуда", он ответит: "нет, всё есть чудо". И всё же оба утверждают то же самое — единство природы. У него всегда есть причина для того, что он делает, а часто даже несколько, и он может открыть смысл вещей, случающихся вне его. Идеал этого луча — сам Брахма, который может рассказать риши (мудрецам) всё обо всех вещах в мире.

Качество вивека (или распознавание) позволяет философу отличать важное от маловажного в контексте любой заданной цели. В Японии рассказывают историю о том, что когда умер великий сёгун Иэясу, и его тело было похоронено на холмах Никко, его преемник призвал всех даймё империи прислать для украшения сада вокруг усыпальницы по фонарю из бронзы или камня. Все сделали так, кроме одного, который был слишком беден, но вместо этого он вызвался посадить вдоль дороги ряды деревьев, чтобы они укрывали путешественников от солнца. Теперь видно, что его дар оказался гораздо более ценным, чем приношения остальных — человек третьего луча ясно видел это с самого начала.

Что касается собственной личности, то это удивительное видение даёт человеку третьего луча уникальную приспособляемость — он может жить в хижине или во дворце, спать на земле или на пуховых перинах. И в своей жизни он проявляет великое чувство применимости конкретных вещей, способность применять все виды доступных материалов и встроить их в план. Он — шахматный игрок, использующий разные фигуры согласно их природе в определённом плане, точнее, схватывая за раз множество планов, так что если он видит, что его ход не оказался хорош для одного плана, он может использовать его для другого и получить максимум из любой возможной ситуации. А поскольку, имея дело с другими людьми, он проявляет ту же широту видения, он не будет суетиться из-за мелочей, зная, что важно, а что нет, так что эта приспособляемость проявляется в форме такта.

Человек третьего луча не придаёт большого значения учителям, поскольку всё является его учителем, и он владеет секретом созерцания, так что когда он наблюдает вещи, вспыхивает высшая ментальная интуиция, действующая из той области, где ученик и учитель едины. "К чему мне гуру, — однажды сказал такой человек, — когда я ученик червей и рыб, лягушек, деревьев и камней?". Было замечено, что найти специального учителя на этом луче труднее, чем на других; гуру как бы держится в стороне, чтобы убедиться, что его будущий ученик сам получил свои уроки из всего, как требует его луч. Типичным представителем этого луча был Эмерсон, хотя у него был и значительный оттенок первого луча.

Иногда многое в человеческой природе можно понять, изучая животных, и после долгих размышлений я решил, что наш брат слон, с которым мне посчастливилось в некоторой степени контактировать в Индии, очень типичен для этого луча. Вы можете наблюдать, как он часами стоит на людной рыночной площади, легонько покачиваясь из стороны в сторону, и внимательно наблюдает всё происходящее, но не выказывает ни малейшего желания принимать в этом активное участие. Говорят, что когда слона впервые ловят, он демон во плоти, но он настолько философ в сердце, что в тот самый момент, когда он понимает, что дальнейшее сопротивление бесполезно, он принимает новую ситуацию с совершенным спокойствием, и уже чувствует себя дома в новых условиях, устраивая себе приятную жизнь. Он всегда очень храбр, встречая всякую опасность, которую он понимает, но с другой стороны, крайне робок перед сравнительно незначительными вещами, с которыми он совершенно незнаком — настолько он сосредоточивает и основывает свою жизнь на понимании. В панике он теряет голову, но при всех других обстоятельствах он очень внимателен и осторожен, а в своих привязанностях, которые бывают долговременными и глубокими,

необычайно заботлив. В этом он очень ясно показывает свой луч, ибо слабость этого луча — страх.

В ходе своей эволюции человек, чтобы рассеивать свои страхи, полагался на знание, и он будет продолжать в некоторой степени бояться того, чего он не понимает. По аналогичной причине люди второго луча, то есть любви, подвержены вспышкам негодования и гнева, а первого луча, то есть воли, иногда становятся жертвами гордыни.

Человек этого типа будет продвигаться быстрее всего, тренируя свой ум в мышлении как остром, так и всестороннем. Чтобы получить от этой способности наибольший результат, ему особенно важно ясно представлять, что он собирается делать в любое время. Наблюдали ли вы когда-нибудь профессионального конькобежца, каждое движение которого столь же чётко и отточено, как новый стальной клинок? Или пингвина за ловлей рыбы, который полон непрерывного, моментального и безошибочного движения? Вот так может думать такой человек, когда натренируется — как скользит конькобежец и как маневрирует в воде пингвин. Чтобы он увеличивал свой умственный охват, нужно позволить ему практику добавления одной вещи к другой в своих мыслях — то есть чтобы каждую из них он совершенно прояснял для себя, а затем присоединял её к растущей идее. Так он может думать сначала об одной травинке, потом о многих, добавлять к своей картине кусты, цветы и деревья, пока скоро он сможет удерживать в уме целый сад без всякой потери подробностей, как он только что удерживал одну травинку.

Глава XIV ЧЕТВЕРТЫЙ ЛУЧ

Человека четвёртого луча характеризует преобладание четвёртого принципа. Его качество — гармония. В своей жизни он не может держать внутренние миры отдельно. Если у него есть идея, он не удовлетворён, пока не даст ей практического выражения. Если у него есть работа в миру, он не будет счастлив, пока не сможет добиться того, чтобы она выражала идею или идеал. Среди людей он не является представителем только внутреннего (как правитель, филантроп и философ) или только внешнего (как учёный, бхакта или человек искусства). Он демонстрирует принцип майи, о котором я уже говорил как об особом выражении самого Шивы, сводящем в гармонии Вишну и Брахму вместе. На земле не может быть большей реальности, и всё же это иллюзия, потому что это не сама жизнь Шивы — истинная ананда. Его деятельность — не от пракрити (материального), не от пуруши (духовного), не от сата (бытия), ни от чита (сознания), но есть то, что Кришна назвал "моей другой пракрити" (другое проявление) — дайвипракти. Это не просто майа, а йогамайа. В опыте человека этого луча превыше всего та истина, что в душе нет преграды или стены, где кончается Бог и начинается человек, как выразился Эмерсон.

На ранних этапах своего развития человек четвёртого луча будет демонстрировать сильные перемены настроения, иногда склоняясь к трём типам полагания на себя

(свойственным первым трём лучам), а иногда — к трём типам преданности (свойственным последним трём), но никогда не будет совсем уходить от своего уравновешенного положения, от проявления одновременного присутствия обеих сторон человеческой природы. Это причинит ему много несчастья, ибо в работе, которую ему нужно будет выполнять в миру, он будет чувствовать нужду в выражении идеала, а идеалы будут иссушать и жечь его душу, если он не может выразить их. Таким образом совесть его никогда не будет спокойна, пока он не достигнет того благословенного состояния жизни, в котором внутренняя и внешняя его части будут приведены в постоянную рабочую гармонию, и в котором великие законы внешнего и внутреннего роста, карма и дхарма, сольются в одно. Но когда это достигнуто, ему доступна самая ближайшая к истинному счастью вещь, что только возможна на земле — перевод внутреннего во внешнее и внешнего во внутреннее уже полный и постоянный, и тут иногда вспыхивает дух пророчества.

Влияние этого луча очень сильно демонстрировали религия и жизнь Египта. Вещи этой страны были представителями жизни, а представления жизни были очень вещественны по форме. Возьмём, например, архитектуру египтян с её наклонными линиями и закруглёнными и пузатыми колоннами и её постоянным подчинением животным и растительным формам — а не украшением этими формами. С другой стороны, скульптуры и изображения фигур людей и других живых существ имели более математическую форму, чем где-либо ещё. И всё это было подходящим одеянием для внутренней магии, которая была самой жизнью Египта. Это было искусство, полное красоты, трогаящей душу, но искусство символическое, чья красота была открыта лишь имеющим ключ. И проживая свои символические истории, египтяне чувствовали стоящую за ними реальность, точно так же как чувствуя психические истины, нуждались в выражении их в форме.

Влияние форм и цветов на ум и настроение может наблюдать всякий. Например, если вы войдёте в комнату, украшенную криволинейными и цветкообразными формами, вы обнаружите, что они трогают вашу эмоциональную природу, но если вы войдёте в комнату, украшенную угловатыми узорами, вы получите ментальное впечатление. Это влияние — прямое, и есть много символизма, действующего именно таким способом. Но в дополнение к этому, к вещам и формам присоединяются мысли, а среди мыслей подобное притягивает подобное, так что с очень многими символами связано много мысленной силы. Чувствительные люди четвёртого луча могут это ощущать. Много разновидностей магии искусства происходят из признания этих истин. Практический маг, работающий в этом направлении, принадлежит к четвёртому лучу.

Влияние этого луча мы можем увидеть в очень многих видах человеческой деятельности. Человек, сильно развивший его, вероятно, очень во многом может быть актёром. Если он захочет воспроизвести в себе какое-то настроение или состояние ума, он сделает это, приняв его внешнюю форму — например, если он захочет почувствовать себя благочестивым и религиозным, то он примет манеры, жесты и одеяния церкви своей страны или религии, и тогда в ответ возникнет соответствующее внутреннее состояние. Можно обнаружить, что люди этого типа повсюду подражают тем, кем они хотят стать, и всё же в этом нет притворства, претензии, лицемерия или желания произвести впечатление на других — для них это просто допущение, которое очень скоро станет реальностью. Я слышал об

английской женщине, принадлежащей к этому типу, которая, побывав в Индии, влюбилась в индийскую философию и захотела, чтобы это учение пропитало всю её душу. Вернувшись в Лондон, она настаивала на том, чтобы одеваться по-индийски и есть, сидя на полу. Враги смеялись над ней, а друзья скрежетали зубами, но она повиновалась тому побуждению, которое было для неё верным.

Люди четвёртого луча дают хороших актёров, потому что, когда они воспроизводят в себе эмоциональные состояния, которые им нужно сыграть, внешние формы и действия, сопутствующие этим состояниям, следуют без особого труда и достигаются с величайшей лёгкостью. Они владеют и грациозной стороной физической культуры (что можно видеть, например, среди испанцев), поскольку это телесное выражение духовной свободы. Среди разнообразных видов деятельности, свойственных этому лучу, все разновидности интерпретации ума в материи и материи в уме. Здесь и маги, и актёры, и художники-абстракционисты, и поэты-символисты.

В Индии, где всё можно встретить выраженным в такой чрезвычайной степени, что её можно считать целым человечеством в миниатюре, влияние этого луча заметно в искусстве и некоторых формах поклонения. Если человеку с Запада посчастливится завязать настоящую дружбу с индийской семьёй и пользоваться её доверием благодаря существующей между ними симпатии (что бывает редко), так, что никакая часть их жизни не скрывается от него и не изменяется из-за его присутствия, возможно, ему позволят увидеть вещи, наполняющие алтарь, который есть в каждом индусском доме. Там он обнаружит скульптурные или живописные образы форм Божества, а иногда и святых, которые с точки зрения внешних канонов искусства будут далеки от прекрасного. Но скоро он обнаружит, что его друг, приближаясь к ним, оказывает им глубочайшее почтение и громко восторгается их красотой. Красота здесь присутствует, но она — в уме смотрящего, и знакомыми подсказками образов пробуждается живая реальность.

Это не очень отличается от использования языка. Слово "красота" само далеко от прекрасного, но как только его произносят, в уме возникают знакомые нам красивые образы. Верно, что в самом языке может быть собственная красота в дополнение к смыслу, который он несёт, но этот его аспект принадлежит к седьмому лучу, а вот применение языка для выражения идей как искусство преимущественно принадлежит к четвёртому. Человек этого луча обычно обладает огромным запасом слов.

Мы увидели, что у первого и седьмого луча преобладает воля, у второго и шестого — любовь, а у третьего и пятого — мысль. Человек же четвёртого луча, не идя по какому-то отдельному из этих направлений, обычно в более или менее равной мере сочетает все эти три способности сознания, но ни одну из них не развивает столь совершенно, как если бы он двигался по какому-то из других направлений. Качество, придаваемое уму этим уравновешенным познанием — это воображение, которое есть сочетание воли, любви и мысли. Если человек этого типа приступает к обдумыванию какой-то проблемы, скорей всего, он недолго сохранит логическую связность мысли — туда ворвутся его чувства, и часто решение впрыгнет в его ум, открытое концентрацией воли. С другой стороны, если что-то

пробудит его чувства, его логика также будет в действии и, возможно, покажет ему юмор ситуации, а возможно, и назначение событий.

В своей положительной форме воображение есть магическая сила, и человеческая жизнь полна её. Глядя на вещи, её обладатель видит жизнь; глядя на жизнь, он видит мир вещей. Он не может уделить всё своё внимание чему-то одному. Когда в этом направлении будет достигнута сила, человек станет настоящим магом, соединяющим видимое и невидимое, создающим видимые результаты невидимыми средствами, а видимыми средствами — результаты невидимые.

Находящиеся на этом луче литераторы в представлении своих идей демонстрируют огромное богатство образов, и их поразительная сила аналогии ставит им на службу образы с самых крайних концов Земли. Великие полёты фантазии, как те, что мы видим у Шекспира и Калидасы, рождаются именно из этой способности.

Сила воображения может быть очень живой, и часто с уникальной мощью проявляется в жизни детей. Недавно я слышал о двух девочках, говоривших о том, что они будут делать, когда вырастут. Одна сказала, что хочет иметь красивый дом и много детей. Другая, очевидно, воспитывавшаяся в окружении, далёком от идеального, ответила ей: "А у меня будет школа, и твои дети пойдут в неё. И там-то я буду их пороть, пороть и пороть!", добавила она с большим воодушевлением. Первая девочка разразилась слезами, и всхлипывая, сказала: "Ты, противная, что мои дети сделали тебе, чтобы так их бить?". Не очень часто воображение остаётся столь же живым в последующей жизни, но вероятно, в четвёртой, или атлантской, коренной расе это имело место в большей степени, чем в пятой, или арийской. Я знал китайского врача, который рассказывал мне, что главной радостью его досуга было откинуться в своём большом кресле и воображать, что он в раю — очевидно, эти мечты были для него столь реальны, что стали почти столь же хороши, как и настоящий рай.

В западных странах умственные качества этого луча хорошо демонстрируют ирландцы. Часто они сочетают свои способности так, что это озадачивает или забавляет других, в зависимости от того, насколько серьёзны обстоятельства. Они применяют логику, когда этого меньше всего ожидаешь, или столь же неожиданно обращаются от рассудка к фантазии. Фактически склонность заканчивать деятельность, начатую по одной линии, совсем другим направлением, является общей характеристикой этого луча. Весело начав, они грустно заканчивают, а начав серьёзно, могут окончить игрой. Отсюда происхождение многих ирландских шуток. Рассказывают историю, что однажды некий джентльмен, прогуливаясь, встретил своего друга ирландца, копавшего что-то возле дороги, и задал ему бессмысленный вопрос, какие задают люди в подобных обстоятельствах. "Привет, Майк! Что делаешь? Копаете яму?" "Нет, — последовал неожиданный ответ. — Я копаю землю и оставляю яму". В противоположной форме эта особенность проявилась, когда одного ирландца принимали на работу на стройке и спросили, привык ли он лазить по лестницам, на что он ответил: "Нет сэр, я никогда не поднимался по лестницам за исключением одного раза, когда спускался в колодезь." Тевтонец, сделавший из закона, или скорее из правил, фетиш, редко

поймёт простую логику ирландца, который не живёт по формулам и не обращает внимание на правила, когда они кажутся ему излишними.

Я не могу не поддаться искушению проиллюстрировать этот луч на примере представителей животного царства, хотя должен сделать предупреждение, что в избранном мною примере этот луч демонстрируется в очень примитивной форме, к которой человеческие существа скатываются лишь изредка. Это качество демонстрируют наши двоюродные братья, обезьяны, как я имел удовольствие убедиться, иногда встречаясь с ними в их родной среде. Можно увидеть, как они приступают к какому-нибудь серьёзному делу, а через мгновение уже скачут и прыгают друг через дружку. Посмотрите на задумчивую меланхолию их спокойствия и предельную игривость их деятельности, а также юмор, проскакивающий между этими двумя состояниями. Как они смеются над собой, когда не находятся в глубинах отчаяния или не увлечены каким-то великим предприятием. Посмотрите, как они подражают и пытаются таким способом стать теми, кого они изображают, посмотрите на незаконченный и переменчивый характер всех их занятий. Я не могу удержаться от того, чтобы в заключение процитировать несколько строк, взятых из "Дорожной песни Бандар-логов" Киплинга, который с истинным гением схватил их настроение:

Длинной гирляндой порою ночной
Мчимся мы между землей и луной.
Ты не завидуешь нашим прыжкам,
Скачущим лентам и лишним рукам?
Мы поднимаем немислимый шум.
Головы наши распухли от дум!
Тысячи дел перед нами встают —
Мы их кончаем за пару минут.
Если до нас донесутся слова
Аиста, мыши, пчелы или льва,
Шкур или перьев — мы их различим,
Тут же подхватим и быстро кричим!
Браво! Брависсимо! Ну-ка опять!
Мы, словно люди, умеем болтать!
Скорее рядами сомкнёмся, лавиной сквозь лес пронесёмся,
Как гроздь бананов качаясь на ветках, взлетая по гладким стволам.
Для всех мы отбросы, так что же! Мы корчим ужасные рожи!
Напрасно смеётесь! Мы скачем по пальмам навстречу великим делам!*

* Цитируется в переводе В. Лунина.

Глава XV ПЯТЫЙ ЛУЧ

Этот луч, как и два следующих, демонстрирует общий характер послушания, поскольку через эти лучи Бог внутренний ищет Бога внешнего. Строго говоря, все

они — лучи преданности. И в том, который мы сейчас рассматриваем, именно мыслящая часть человека в преданном служении поклоняется великому уму мира, миру идей, вселенной закона, вверяясь наставлениям этого мира. Имя предельной реальности, рассматриваемой таким образом — истина, и хотя учёный в своём постоянном поиске будет исследовать всё и подвергать всё сомнению самым бесцеремонным образом, он никогда не ставит под сомнение истинность истины или факт факта. Он преклоняется перед ними в самом полном и восторженном вверении, потому что они — конечная реальность, и когда её лицо становится видно, её авторитет для души очевиден.

Для человека пятого луча основой реальности является истина мира, и его поиск истины таким образом оказывается деятельностью религиозной, по сути основанной на вере. В другом месте я определил его символ веры следующим образом: "Я верю в мир, как в место, где можно найти истину; я верю в человеческий ум как инструмент для её открытия; и я верю, что когда она будет открыта человеком, она окажется благом для его жизни".

Если сопоставить состояние дикаря с состоянием сегодняшнего цивилизованного человека, добродетель этой веры будет очевидна. Дикарь беспокоен в своих мыслях по той простой причине, что не знает, что может думать решительно обо всём. Очень многие вещи, такие как гром и молния, тени и болезни, он воспринимает как великие тайны и обращает очень мало внимания на то, где и как он поражается ими, или не обращает вообще, но полон страха перед ними. А цивилизованный человек много знает о мире и усовершенствовал способности своих чувств и своих рук множеством способов, благами которых не перестаёт пользоваться ни на миг. И странно сказать, со всеми этими достижениями, которые всегда к нашим услугам, и восторгаясь торжеством науки, которая на протяжении веков давала их нам, люди всё же считают некоторые вещи тайнами, к которым мысль неприменима — как, например, проблема смерти. Проведение разграничительной линии между тем, что может быть познано, и тем, что познано быть не может, есть пережиток дикарства, но люди великого пятого луча, играющие свою роль в прогрессе, однажды устранят этот предрассудок и благодаря им человек овладеет даже знаниями фактов смерти ещё задолго до окончания нашей арийской расы. Невозможно оценить божественные высоты знания и силы, к которым наука со временем поднимет жизнь человечества на Земле. И произойдёт это благодаря методу учёного, который исследует факты с величайшей тщательностью, сравнивает их беспристрастно, не нацеливаясь на заранее поставленный результат, и принимает свои мысли о них за знания, а гипотезы — за теории только после многократной проверки.

Чтобы осознать веру, стоящую за наукой, вспомните условия средневековой Европы, когда свет знания был затемнён жестокими и трусливыми людьми, под религиозными лозунгами захватившими высшую светскую власть. Они решили, что этот мир — не божий мир, что Бог где-то в другом месте, и хотя он послал нас сюда на испытание, он позволил проводить эту проверку, длящуюся всю нашу жизнь, своему великому противнику — самому Дьяволу. Так этот мир стали считать миром Дьявола и местом неправды, а знание о мире — способным привести людей лишь к проклятию. И сам ум человека, с помощью которого можно было исследовать этот мир, стали считать столь греховным, что он не

может быть инструментом открытия истины, которая принесёт человеку истинное благо. Ясно, что люди тогда не считали мир местом обретения истины, но были немногие, кто чувствовал, что это должно быть именно так. У них была вера в это и в себя, и вера столь сильная, что их не могли остановить даже ужасы инквизиции, которой не удалось полностью погасить свет науки. Эти немногие держались твёрдо и постепенно пробили путь к всеобщему просвещению, доказав ценность веры пятого луча, которая жила в них. И сегодня всякий разумный последователь религии готов признать не только, что наука великолепно обогатила физическую жизнь человека, поставила его высоко над животным, позволила ему спокойно подходить к материальным проблемам и путём упражнения развила человеческий ум до великолепной степени; но в дополнение ко всему этому она позволила религиозному человеку лучше познать Бога.

Во все времена люди считали Бога творцом и хозяином вселенной, но когда их понятие о вселенной сводилось к плоской Земле и куполе неба, подобному перевёрнутой миске, через дырочки в которой свет небесных областей просвечивал, образуя звёзды, то и представление их о величии и достоинстве властителя этой вселенной было несравнимо с тем, что предстаёт благоговейному восхищению сегодня, когда люди помышляют о чудесах великого — о миллионах миров бесконечного пространства, открытых для нас астрономией, о чудесах малого, открытых нам химией и физикой, и о чудесах жизни природы, открытых географией и биологией, которые делают для нас вселенную несказанно прекрасной и каждый день открывают новые горизонты.

Преданный характер человека пятого луча можно видеть в том, как безоговорочно служит он законам природы и верит в бессмертие первичной материи. Вы никогда не обнаружите, чтобы он желал хотя бы на волосок изменить действие самого малейшего закона природы, да он и не отважился бы вмешиваться со своими изменениями в устройство вещей, даже если бы это требовало от него лишь мановения мизинца — столь совершенным видится ему устройство этого мира, который всегда и является его лучшим учителем. Он ясно видит — что бы и когда бы ни изобрёл человек, природа на опыте заставит внести в это усовершенствования. Например, он создаёт автомобиль, но испытывая его, узнает о нём что-то новое, чего без помощи природы он знать не мог, кроме того, в процессе этого он несколько дальше развивает свою познавательную способность.

Если бы учёный немного пофилософствовал (что для него не очень обычно), мы бы услышали, как он говорит себе, что его малый ум совершенно приспособлен к божественному разуму, представленному законами природы, и благодаря этому учится, становясь богаче и могущественнее от упражнения в столь совершенно подходящей для него среде. А будь ему также свойственно и религиозное устремление, он бы добавил к этому, что мир знакомит нас с природой Бога, а также всё более уподобляет ему. Он приближает нас к всезнающему настолько, насколько он учит ум большему охвату живой реальности в каждый момент времени и выявляет для нас ту истину, что для мудрого человека всё имеет бесконечную важность, хотя это и может показаться маловажным дураку. Применив немного философии, он также осознал бы, что благодаря знаниям человек не обретает власть над силами природы, а становится союзником этих сил, и в какой мере он работает с ними, в той мере и они будут действовать в

сотрудничестве, которое открывает один из величайших законов — что во всех царствах природы нет настоящих конфликтов, и всё вместе идёт к лучшему.

Иногда постижение важности закона в природе производит на человека такое впечатление, что он не может убежать от него даже в мелочах жизни, и тогда он склонен делать фетиш из планов, правил и установлений даже тогда, когда в них вообще нет необходимости. Однажды я слышал о человеке, который пронумеровал все свои рубашки и прочую одежду и вёл по ней картотеку, так что в любой момент мог посмотреть, где, например, находится рубашка №9 — в прачечной, в починке или в таком-то ящике!

Полагаю что животное этого луча — верно служащая человеку лошадь, которая будь то под седлом, или впряжена в плуг или повозку, всегда учится жить упорядоченной жизнью и уважать правила и форму, закон и порядок, как вещи неизбежные в материальной жизни.*

Глава XVI ШЕСТОЙ ЛУЧ

Как пятый луч демонстрирует искусность в мысли, так шестой выражает искусность в чувстве, ибо это мысли и чувства, направленные к вещам. И как вера учёного ведёт его к проникновению в принцип закона в мире, так вера человека шестого луча ведёт его к проникновению в благодать, проникающую мир или стоящую за ним и вверению со всей преданностью и послушанием тому, что большинство людей обозначают словом Бог.

Во все века были благоговейные мистики, чьи молитвы не содержали и тени материальных просьб, а изливались в постоянной благодарности и восхищении к великой Благодати, которая влекла их своей побуждающей силой и озаряла их жизнь сверхчеловеческой радостью. Эти люди прямым чувствованием осознавали то, к чему другие могли прийти путём логики — тот факт, что опыты жизни не хороши и не плохи только потому, что они приятны или болезненны, но все в высшей степени полезны, поскольку пришли прямо из руки божьей. "Всё, что принимается, есть дар", — гласит индийская пословица, и бхакте шестого луча воистину это видится так. Настоящий бхакта должен чувствовать в вещах и опыте больше благого, чем другие люди, потому что он в большем соприкосновении с сердцем мира. По крайней мере он уловил проблеск присутствующей в мире божественной благодати, и его преданное служение есть стремление осознать ещё больше.

Хотя он обычно этого и не знает, его путь — великое средство победить боль, обильно порождаемую неуёмным воображением человека, которое на ранних стадиях заставляет его есть больше, чем он может переварить, хватать больше, чем он может удержать, и желать несовместимых вещей. Это средство столь сильное, что физическая боль становится незначительной рядом с радостью его видения и честью его служения. Он знает — что бы ни пришло, это благо, даже когда он не знает, чем именно это хорошо. Его кредо можно сформулировать подобно

символу веры учёного: "Я верю в мир как место доброты божией, и что чувства сердца, если питать их, приведут к её ещё большему раскрытию, и когда люди верят в Бога и не боятся, их вера сторицей вознаградится даже в материальном мире".

Простота этой веры иногда очень трогательна, как могут вспомнить читатели "Цветочков" св. Франциска. Я очень хорошо знал одного индийского джентльмена, одного из ведущих юристов в своей области, который был ярким представителем этого типа. Он удивительно сильно верил в судьбу, и часто мог с опозданием прийти на свой поезд. Я не знаю, что за симпатия существовала между ним и событиями, но мне точно известно, что когда он опаздывал на поезд, оказывалось, что и сам поезд тоже опаздывал. Мне известен лишь один случай, когда он опоздал на поезд, и тогда он сказал мне с улыбкой, которая, думаю, была самой сладкой из виденных мною на земле: "О, замечательно, то, что делает Бог и есть лучшее для нас!". Это было его постоянной присказкой во всех его неприятностях, которые были весьма многочисленны. И всё же этот человек никогда не был невнимателен в том, что касалось помощи другим — сотни людей имеют основание быть ему глубоко благодарными, и когда он умер, целый город, где он жил, как бы лишился света.

В простоте преданности и есть её великая духовная сила. Не показными дарами достигается Бог в его мире, но предельной чистотой поклонения. Что говорит Вишну, обращающийся к нам через Бхагавад-гиту? "Если кто с благоговением приносит мне в жертву лист, цветок, плод или воду, я принимаю то от подвигающегося, как дар благоговейной любви. Что бы ты ни делал, что бы ты ни ел, что бы ни приносил в жертву или в дар, какой бы подвиг ни совершал ты, о Каунтея, всё это делай, как приношение мне." (IX.26–27). Нет лучшего повествования об этой простой преданности, чем рассказ о деревенской женщине из "Света Азии", обратившейся к Будде с такими словами:

Она ему в ответ: "Не скрою,
Моя душа невелика,
Но долго ль влагой дождевою
Наполнить чашечку цветка!
Пусть дождик чуть лишь сбрызнет поле:
Им полон лилии цветок,
И для моей смиренной доли
Довольно счастья дал рок.
Мой повелитель добр и нежен,
Улыбка сына ярче дня,
И мир жилища безмятежен...
Что ж нужно больше для меня?
Вплоть от заката до восхода
Я целый день забот полна:
Поутру, помолясь, народу
Распределить я хлеб должна,
Украсить дерево святое,
Работу всем служанкам дать,
А ровно в полдень, на покое

Владыку дома приласкать.
Домой приходит он усталым,
На грудь главу склоняет мне,
А я пою и опахалом
Над милым вею в тишине.
Там ужин... Вечер наступает,
Я за столом служу ему.
Вот ночь лампы зажигает,
И блеск луны ласкает тьму.
И, помолившись в нашем храме,
В зеленом садике потом
Мы побеседуем с друзьями
И к сну спокойные идем.

...

В писаньи есть: "Кто созидает
В степи для ближних водомет,
В пустыне дерево сажает,
Иль честно сына воспитает,
Тот в небо с дэвами войдет".
А книгам верю я смиренно:
Я не умнее тех мужей,
Что их писали вдохновенно,
Что знали таинства вселенной,
Сердца читали у людей.
Я также думаю, что всюду
Добро исходит от добра,
А зло — от зла, и верить буду,
Что сладкий плод, когда пора
Его придет, на свет выходит
Из корня сладкого всегда,
Что доброту любовь приводит,
А злую ненависть — вражда,
Что порождает мир — терпенье,
А если мы умрем, для нас
Настанет, может быть, мгновенье
Счастливей, чем минувший час.

...

Добро творю я, где возможно,
И твердо верую в одно:
Что всё, что есть, то непреложно,
И благо в нем заключено."

Ответил Будда ей смиренно:
"Ты мудрости самой мудрей!"

Своею речью драгоценной
Научишь ты учителей..."*

* Э. Арнольд. "Свет Азии". Цитируется в переводе А. Фёдорова.

Индусы и буддисты говорят, что энергия мира направляется вовсе не безотносительно к тому, как она повлияет на состояние живущих в нём, но исключительно на их благо, и говорят о великом законе кармы, нравственном законе, проникающем всю вселенную, благодаря которому никакому существу не придёт никакое страдание, кроме того, которое он сам создал для себя ранее, причинив его другим. Потому, говорят они, в этом божьем мире нет причин для страха. Этот закон в буддизме всегда считался безграничным благословением и почитался как величайшая вещь в мире — благой закон, — и те, кто чтят его и обретают в нём своё счастье, во многих случаях тоже принадлежат к шестому лучу. Во многих книгах буддистов и индусов, предназначенных для выстраивания характера и совершенствования человека путём самовоспитания, стремящегося всегда учат, что он должен поклоняться Богу во всём и, как говорится в Гите, быть довольным всем тем, что приходит к нему без его непосредственных усилий, и охотно работать с этим как с наилучшим средством совершенствования своей жизни.

Эта тяга к благости в вещах может также связать людей шестого луча узами благодарности с любым великим лидером или учителем, который проповедует высшую доброту и демонстрирует её в силе служения в своей собственной жизни. Такие люди собрались, например, под знаменем Христа в западном мире, под знаменем Кришны — в Индии, а также и под знамёнами других в разной степени выдающихся людей всех времён. В христианстве вы найдёте три типа людей, имеющих во всякой религии: есть люди, полностью находящиеся под властью кармы и вовсе не демонстрирующие определённого луча, поскольку не являются хозяевами себя и своих жизней, но живут в страхе, трепещут и ищут в религии убежища; среди остальных же есть чтящие Христа за его любовь и служение людям; и те, которые готовы любить людей и служить им в послушании Христу, которого они почитают в первую очередь за его великую доброту. Среди этих последних одна группа — это люди второго луча, движимые сопереживанием к окружающей жизни, а другая — люди шестого луча, которые в первую очередь — бхакты и затем — служители.

Аспект этого луча, играющий большую роль в почтении, испытываемом к миру, совсем без личных чувств, — это ценность, придаваемая процветанию. Этот наш мир с благодарностью любят миллионы людей, с упоением наслаждающихся благословениями процветания (или Лакшми) и безудержно восхищающихся её присутствием в великих достижениях и богатствах человечества. В огромной степени это чувствуется в американском народе, который любит свои города и плодородные равнины с преданностью, не знающей предела. "Собственная страна Бога", называют они Америку, говоря это со слезами на глазах, поскольку они люди, не стыдящиеся своих чувств, и поистине там присутствует Лакшми.

Среди животных лучше всего представляет этот тип друг человека — собака. Для неё хозяин — тот тот, кто не может быть неправ или сделать что-то не так, чья жизнь — круг чудесных сил, кто источник всего благополучия, существо, которого стоит ждать, для которого стоит работать и за которое стоит умереть. На каждом шагу он открывает врата рая, сама строгость его оказывается добротой, а когда он недоволен, то высшая честь — это умиловать его. Таков бог её спасения, и ни Кришна, ни Христос не имеют столь более преданного последователя среди людей.

Глава XVII СЕДЬМОЙ ЛУЧ

Как учёный видит в природе божественную мысль, а бхакта — служит любящему божественному сердцу, так истинный художник откликается на искусную божественную руку — он безоговорочно служит красоте природы. Это третий из лучей преданности или послушания, ибо художник и почитатель прекрасного признаёт в великом мире своего Учителя.

Истинный художник считает себя творцом красоты не в большей степени, чем истинный философ считает себя автором истины, которую он провозглашает. Об этом же говорит мудрость платоника, который спрашивает: "Где получает философ свою истину, а художник свою красоту? Изобретают ли гении эти вещи силой своего ума, принося в мир что-то новое, или получают из удивительного мироздания, в котором мы живём?". И он отвечает, что искусство — лишь копия природы, и художник лишь свидетель божественного разума, наполняющего мир всевозможными чудесами, а среди прочего и красотой.

В связи с этим я вспоминаю выставку в бенгальской школе искусств. Несколько посетителей стояли перед прекрасной серией картин, изображавших закат в Гималаях, и громко их критиковали, говоря, что таких цветов в закате конечно же не бывает, но позже те же люди, снова увидев закат, восклицали: "Это те самые цвета с калькуттских картин!". Они не замечали их раньше и увидели их только сейчас, потому что видели картины; так художник научил их в какой-то степени увидеть то, что видел сам.

Художника, который полон физической чувствительности, как никто другой, трогает красота во всём, и она может поднять его до высот сознания, о которых другие просто не догадываются, как о достигаемых с её помощью. Я помню русского художника, который был убеждён, что для Европы нет надежды, пока она не откликнется на русское искусство и не позволит его влиянию придать цивилизации иную форму и преобразить людей. Сознывая эту силу, платоники добавляли к своей философии благоговение и видели, что источником счастья может быть созерцание с глубочайшим почтением и благодарностью трудов вселенского существа, в котором мы живём свою жизнь. Экстаз красоты должен быть одним из составляющих совершенного состояния жизни за пределами сознания, чистой ананды.

Рассматриваемый в этом свете, искусный художник становится сотрудником Бога в эволюции человека. Хотя он может ощущать трепет и излучение от того, что течёт к нему через канал красоты, как и все люди в той мере, в какой они способны к отклику, этот человек обладает волей, чтобы уравновесить свои мысли и чувства так, чтобы они протекали через его руки в форме работы. Это сосредотачивает его в его преданности и помогает ему не обращать внимание на мнения мира. Он первым видит красоту, которой другие видеть ещё не могут, а затем воспроизводит её отдельно от той смущающей массы красоты, с которой она в обычных условиях перемешана, и так представляет её вниманию других.

Поскольку художник никогда не упускает из виду Бога в вещах, ему никогда не может наскучить ни его цель, ни вся его жизнь; и количество постоянной концентрации, которая есть воля, благодаря которой все его способности направляются на служение искусству, трудно оценить. Подумайте, например, о тщательном и предельно преданном труде, вложенном в каждую малейшую деталь великих храмов и мечетей Индии. Почти над всеми городами и большими деревнями южной Индии господствуют огромные храмы с гопарами,* покрытыми мелкой резьбой и лепниной и украшенными бассейнами, окружёнными изящными стенами, тогда как в центре и на севере Индии почти повсюду возвышаются великолепные мечети с куполами и минаретами, дворцы и мавзолеи, а также храмы не столь крупные, как на юге. Эти великолепные сооружения, прекрасные как в своих очертаниях, размерах и пропорциях, так и в резных деталях, остаются с нами памятниками прежних дней, когда люди искали экстаза и откровения через красоту, и сейчас являются отличными инструментами для очищения, возвышения и расширения сознания всех тех, кто их посещает, или просто живёт возле них, и бывает тронут их превосходной красотой. Поистине, редкая благодать выпала индийскому народу благодаря работе этого луча в их части мира. Кто были эти архитекторы и скульпторы, мы не знаем, но видя их труды, сознаём, с каким терпением и стойкостью они работали год за годом, чтобы сделать каждую деталь точной и совершенной. Писатели многих наций сходятся в хвале и благодарности этим неизвестным художникам, творения которых ещё тысячи и тысячи лет будут вдохновением для почитателей красоты по всему миру.

* Башни над храмами или храмовыми воротами. — *Прим. пер.*

Нельзя созерцать такую красоту, не становясь и внутри прекраснее, а эта внутренняя красота в свою очередь будет выражаться во внешней форме. Большинство истинных художников и внешне красивы, хотя верно, что карикатуристы и сами зачастую представляют собой карикатуры и выглядят отчасти чужаковато. Если вы будете созерцать красоту великолепного заката, или величие Гималаев, или огромных скал и горных проходов Рио де Жанейро, то обнаружите потом, что их красота и сила влилась в вас, и вы более спокойны и непоколебимы, чем раньше. Эта устойчивость и божественная безмятежность как-то вошли в вас и уравнили вашу жизнь внутри, сделав её сильной и спокойной.

Как стремление к знаниям развивает ум, так создание красоты через искусство делает творящего красивым в своей форме и движениях. Поистине, на всех путях

человек приближается к Богу только становясь им, и на этом пути истинная красота принадлежит тому, кто её творит. Вот почему красота никогда не может быть поверхностной и не достигается безобразными методами. Это возможно не в большей степени, чем воздвигнуть систему знаний без истины в каждой её части. Те, кто ищут поверхностной красоты и довольствуются тем, что прячут безобразное за сцену, подобны тем, кто воображает, что физическое богатство даст им власть и силу, хотя сам их обладатель не силен в богатствах истинного человеческого характера. Но сколько искусства в действии, истинной йоги и красоты в каждом движении в беге лошади, в целом и в каждой части, в каждой мельчайшей мышце! Так и со всеми действиями, которые совершенствовались на протяжении веков эволюции; и сегодня с помощью замедленной съёмки мы можем это видеть более, чем когда-либо раньше.

В этих красивых действиях философ или учёный может обнаружить постоянство принципа красоты, тогда как сам художник может особенно и не интересоваться этим аспектом предмета. Есть равновесие в движении, которое столь же устойчиво, как величайшие творения современной финской архитектуры, и глядя на подобные вещи всякий может сказать: "даже если я отправлюсь на высшие небеса, по крайней мере эти вещи я должен взять с собой". Авторы Пуран не без умысла обрамили дорогу в благословенный город Ямы конями, происходившими от Уччайхшравы и слонами семейства Айраваты, утками на красивых прудах и реках и огромными деревьями, дававшими густую тень. Красота — прибежище совершенного действия в звуке, цвете или форме, и хорошо было сказано, что из всех вещей материального мира лишь искусство вечно. Можно повторить в связи с этим прекрасные слова Эдвина Арнольда о законе труда, демонстрирующем величайшее искусство в действии:

Его касанье на цветущей розе,
На листьях лотоса, в их форме совершенной,
И в тёмной почве, и в семян молчаньи,
И это он наряд весны сплетает

Его картины в облаках великолепных,
Его сокровища в хвосте павлина,
Его обители на звёздах, его слуги —
И в молнии, в дожде и даже в ветре

Из темноты он вывел сердце человека,
Из тёмной скорлупы — изящного фазана.
Всегда в трудах, он в красоту преобразует
Гнев древности и прежние крушенья

Его сокровища — и в кладке золотистой птицы,
И в сотах пчёл, и в муравья работах
Они прекрасно белым голубям известны,
И скрыты в геометрии и цвете

В безмерном небе, неохватном взору
Своею музыкой ведёт светил движенье.

В глубоких безднах недр Земли укрыл он
Сапфиры, золото, смарагды и алмазы

Всё добывая новые секреты
Средь зелени лесных полян он пребывает
Лелея новые ростки в подножье кедра
И разрабатывая новые цветы, и листья, и травинки

Невозможно говорить о красоте, не упомянув о Японии. Я путешествовал по всему миру и жил среди народов двадцати стран, но нигде, кроме Японии, я не видел такого изобилия красоты, наполняющей жизнь человека. Не найдётся слов, чтобы описать сады, храмы и произведения искусства этой страны, которые по праву можно причислить к чудесам света, и понимаешь ценность этой страны для всего человечества, осознав, что каждая душа, прошедшая через рождение в Японии, приобретает чувство красоты, намного превосходящее то, что было у неё когда-либо раньше. В других странах художественными бывают отдельные души, и они теряются среди других, не имея большого влияния, но в Японии прекрасно всё и этого чувства не чужда вся нация. Свои редчайшие картины и произведения искусства они создали не для иностранных туристов, а для себя, и в обычном доме в главной комнате всегда есть святилище прекрасного — ниша величиной в дверь и несколько дюймов в глубину, чуть выше уровня пола. Там размещаются несколько произведений искусства — картина, какэмоно,* скульптура из бронзы или кости, лаковая миниатюра или что-нибудь в этом роде на маленьком столике из чёрного дерева или пьедестале. При первом посещении дома вы можете подумать, что это все сокровища вашего друга, но в другой раз вы увидите в этом святилище красоты уже новую экспозицию. Хозяйка не заставляет все комнаты прекрасными вещами, она понимает принцип красоты и хранит свою коллекцию в стенном шкафу, выставляя за раз лишь несколько вещей. Где ещё вы найдёте такое понимание? Легчайшее касание руки японца делает вещь прекрасной, наделяя её скорее буквальноей красотой, чем только намёком на красоту, ибо качество седьмой подрасы доведено тут до такого совершенства, что почти скрывает характер четвёртой коренной расы, к которой она принадлежит. Какой ещё народ сотнями тысяч пойдёт любоваться цветущей сакурой, которая выращивается ради цветов, а не ради вишен, которые совершенно несъедобны? И где ещё вы найдёте детей, к которым относятся с такой редкой мягкостью, и которых специально учат улыбаться, когда они в беде — не для самоободрения, а чтобы не передавать свою печаль другим? Такая красота и преданность прекрасному, несомненно, дороги дэвам. Красота повсюду, и люди обладают исключительной мягкостью, но при этом — железной волей.

* Традиционный японский живописный или поэтический свиток. — *Прим. пер.*

Любопытное побочное выражение этого принципа, действующее через чувство осязания, это прирождённая чистоплотностью людей этого луча. Это нечто отличное от опрятности или аккуратности, и скорее сродни стремлению удалить наросты, чтобы высвободить красоту, скрытую во внешних вещах. Японцы демонстрируют это качество, во имя чистоты каждый день почти что сваривая себя живьём. Нелегко это даётся — быть чистым, однако в связи с этим можно

припомнить японскую притчу о судьбе суетливой домохозяйки, пытавшейся вымыть морду тигру!

Церемониал также является очень важной частью активной работы этого луча, его можно назвать магией этого луча, практикуемой человеком. Если вы жили в доме, где жил человек великой и святой мысли, вы должны были испытать подъём от действия его мысленных волн и мыслеформ, влиявших на вас всё это время — в той мере, в какой вы могли на них откликнуться. По опыту многих учеников, когда они находились в присутствии Учителей, им удавалось осознать истины, в которых в другое время они не были уверены. Действие в мире всех видов кривяшакти — вещь очень реальная. Среди прочих путей эта сила действует и через красоту, и это то, что преображает паломника в Бадаринараян, придавая ему чистоту и стойкость самих Гималаев, а паломнику в Киото давая сладость садов, среди которых расположены его храмы. Особенно это верно и плодотворно, если паломник находится в почтительном настроении, ибо тогда он в состоянии откликнуться на эту силу и усвоить её всеми тремя составляющими его личности — телом, чувствами и идеями. Церемониальные службы во всех местах и странах существуют как раз ради передачи такого влияния; потому в связи с церемониями очень большое значение имеет красота — запаха, звука, цвета, формы и движения, и без этого многие люди не могут испытать благоговейных чувств в такой полной мере, какая только доступна для них.

Церемониал седьмого луча играет в Индии столь заметную роль, что когда вы говорите о пути действия, многие люди думают о ритуалах своей религии. Они считают их трудами, которые могут привести человека в соприкосновение с дэвами, и верят, что такое служение невидимому даст им и их окружению очень возвышающую благодать. Всё это намеренно было создано как инструмент помощи человеку, как по-своему и все прочие вещи, благодаря которым умы людей обращаются к какому-либо идеалу, и для этого великие помощники человечества соединили с красотой церемониала и его привлекательностью для дэв магию и символизм четвёртого луча. Так в хорошем церемониале красивые формы становятся в несколько раз красивее благодаря прекрасным мыслям, вливаемым в них на протяжении веков, формам глубоко скрытой красоты, воплощающим принципиальную математику мира, а также влиянию великого царства дэв, которые живут в эмоциях красоты и радости, которые присутствуют повсюду, где могут встретиться эти формы.

Среди животных качества седьмого луча хорошо иллюстрирует кошка. Это животное, грациозное во всех отношениях, красивое и в покое, и в движении. Вне своих особых направлений развития лошадь, слон, и даже обезьяна и собака могут быть несколько неуклюжими, но кошка не будет неуклюжей, что бы ни произошло. Подруга рассказала мне историю про кошку, которая жила с ней по соседству и часто приходила к ней в дом, по всей видимости, с какой-то определённой целью. Она регулярно заходила в комнату, где сидели люди, и если у них был разведён огонь, она входила и чувствовала себя, как дома, а в противном случае подавленно уходила прочь. Любовь кошки к роскоши — это не совсем любовь к покою, как у лентяев, а состоит в удовлетворении чувствительности; кошка наиболее полно входит в физические обстоятельства и держится в стороне от людей не потому, что они ей не нравятся, а потому что её

внимание поглощено чем-то другим. Это животное, у которого всё должно быть приятно, которое держит себя в чистоте и которого больше заботит дом, чем люди, которых оно ценит только за то, что они могут погладить и об них можно потеряться; и в свою очередь человеческий род любит её не столько за выказываемые ею дружеские чувства, а потому что она красива на вид и её приятно трогать.

Глава XVIII ТАБЛИЦА УЧИТЕЛЯ

Луч	Характеристика луча	Характерная магия	Последняя религия
I	Фохат, Шекина	...	Браманизм
II	Мудрость	Раджа-йога (человеческий ум)	Буддизм
III	Акаша	Астрология (природные магнетические силы)	Халдейская
IV	Рождение Гора	Хатха-йога (физическое развитие)	Египетская
V	Огонь	Алхимия (материальные субстанции)	Зороастрийская
VI	Воплощение Божества	Бхакти (благоговение)	Христианство (Каббала и пр.)
VII	...	Церемониальная магия	Поклонение элементам

Вышеприведённая таблица лучей имеет характер исторического документа. Сорок лет назад в Адьяре она была дана знаменитому оккультисту Ч. У. Ледбитеру Учителем Джуалом Кхулом, который сказал ему и бывшим с ним в тот момент друзьям, что это всё, что тогда было допустимо раскрыть миру о лучах. В то время она была не очень понятна, но составила классическую основу для дальнейшей информации, которая приобреталась время от времени. Теперь она опубликована в примечательной книге Ледбитера "Учителя и путь". Первый раз она попала ко мне в руки несколько дней назад, уже после того, как я записал все идеи, изложенные в предыдущих главах. И всё же, глядя на неё, я не вижу в ней ничего, что бы указывало на какие-то ошибки в этом материале или намекало бы на необходимость каких-либо изменений. С разрешения автора я привожу её здесь, поскольку думаю, что мои комментарии по ней могут оказаться интересными изучающим лучи и помогут осветить некоторые наиболее туманные выражения (как, например, "рождение Гора"), которые оказались для многих довольно загадочными.

1. Слова "фохат" и "шекина", взятые вместе для указания характеристик первого луча, знакомы изучавшим великий труд Е.П. Блаватской "Тайная доктрина". Взятый в отдельности фохат указал бы лишь на совершенно неопишемую силу, пребывающую во вселенском боге до проявления, и использующуюся

недоступным для нашей мысли способом, когда Непроявленное становится многим и совершает превращение в два и три, следующее из этого. Но фохатшекина означает ту же силу, направленную вовне как шакти, первопричину проявленного разнообразия, и на уровне человека проявляющуюся в виде действующей в нём воли — силы или способности, которой человек меняет себя, и таким образом направляющий материю умом, как я уже описал выше. Это истинная жизнь, что сопровождает всякий жизненный процесс и вызывает развитие всего, что растёт. Оккультисты, удостоившиеся редкого счастья видеть Господа Мира, главу первого луча на нашем земном шаре, могут соединить эту идею с воспоминанием об электрическом характере его ауры, подобной голубой молнии, ибо он величайшая активная воля и распорядитель этой силы на нашей планете.

В таблице указана характерная магия для каждого луча. Почему учитель говорил именно о магии, нельзя быть точно уверенным, но мы можем строить предположения. Основная причина того, почему знание о лучах раскрывается Братством Адептов с такими предосторожностями была сообщена нам Блаватской, сказавшей, что знание о лучах даёт великую власть. Многие люди искали его, чтобы выяснить свой собственный луч, а затем прибегнуть к свойственной ему магии, в которую сила, от природы проходящая через них, влилась бы легче и с большей мощностью. Потому, когда говорили о лучах, возникала мысль о магии. В связи с первым лучом никакой магии не упомянуто, поскольку по всей вероятности сама воля человека, которую, не прибегая к другим каналам, применяли гордые существа этого луча, всегда и была его магией, и конечно же, их подход оправдан, поскольку они могут ощущать силу "я" и применять её, как никто другой.

На всякого, кто непосредственно знаком с индуизмом, или брахманической религией, а в особенности с теми её формами, которые существовали до возникновения культа Шри Кришны, производит впечатление действительно подчёркиваемое там учение о том, что атман, или "я" человека, един с вселенским "я", нерушимым центром сознания, и ему суждено добиться освобождения от всех земных уз не благодаря какой-то внешней милости, а целенаправленным овладением каждым кусочком своего собственного существа и неотступным утверждением в мыслях и действиях той истины, которая воплощена в великом высказывании "Я есмь То". Если эта религия и не была в своих формах столь мягкой, как в наши дни, она по крайней мере самым сильным образом давала своими великими доктринами кармы и дхармы веру в принципы и ценность справедливости, и утверждала, что человеку нечего бояться вне себя, ибо он божественен и властелин своей судьбы.

Смелость и воля прародителя Бхишмы типичны для этой религии. Она показана в его великолепной независимости. Когда царь Шишупала в страшном гневе стал угрожать ему, он встал и с полным спокойствием ответил: "Знай, что для меня все цари земли имеют не больший вес, чем солома. Если даже меня убьют, как зверя или сожгут живьём, как бы то ни было, здесь я попираю все ваши головы своими ногами. Перед нами сейчас стоит Господь, которому я поклоняюсь". Я могу добавить, что стремящимся первого луча вовсе не обязательно имитировать этот язык — его требовали обстоятельства — кроме того, имитация вовсе не

характерна для первого луча. Позже, когда Бхишма лежал, умирая, на поле битвы, израненный и пронзённый стрелами, он отложил свою смерть, чтобы поговорить с собравшимися вокруг него людьми о тринадцати формах истины и убедить их, что воля сильнее судьбы и преодолагает во всех обстоятельствах. Даже Кришна, который принёс в индуизм второлучевое влияние любви, ставшее там преобладающим, начинает своё перечисление божественных качеств, которые надлежит развить человеку, с активных добродетелей бесстрашия, саттвической чистоты и твёрдого стремления к мудрости.

2. Термин "мудрость", данный в качестве характеристики второго луча, требует небольшого пояснения, но я должен ещё раз указать на тот важный факт, уже объяснённый мною подробно, что активная форма и суть всякой мудрости есть любовь. Указанный в таблице термин "раджа-йога", как я думаю, относится к великолепной царственной науке единства, преподанной Кришной в Бхагавад-гите, а выражение "человеческий ум", использованное сорок лет назад в связи с этим, указывает не столько на принцип, именуемый манасом, тот ум, который в раджа-йоге считается лишь шестым из чувств, а на тот истинный центр человеческого сознания, который теософы называют буддхи. Типичной религией второго луча конечно является буддизм. Как часто его основатель, путешествуя вверх и вниз по долине Ганга, указывал индусам на опасность гордыни, которая кроется в их учении о "я". Любой человек заявлял "Я есмь То", думая о "я" в понятиях материи или обыденного сознания. Как часто Будда подчёркивал, что нет вечного "я" в том смысле, в каком люди обычно думают о "я". Помните также его учение о доброте, которым он "смягчил нашу Азию" и тем запечатлел качество своей широкой любви в мире так, что десятки сотен миллионов людей, бывших его последователями за прошедшие века, славились превыше всех других своей мягкостью и отсутствием личной жадности. Это была единственная религия, которая никогда не распространялась путём преследования других, и тем не менее, она завоевала большее количество приверженцев, чем какая-либо другая до сих пор. Несомненно, это религия второго луча.

3. Характеристика третьего луча даётся в таблице как акаша. Акаша есть хранилище вселенского разума, местопребывание всех архетипов, первый план материи, на котором действует крия, или сила мысли нашего солнечного логоса. Это великая память сознания нашего земного шара. Именно посредством её сознание наполняет пространство. Из неё путём дифференциации происходят все явления предметной жизни. Термин "астрология", я полагаю, относится здесь не столько к системе символов и умозрительных соответствий, называемой астрологией сегодня, а к положительной науке о влияниях планетных духов, стоящих во главе лучей. Учась своей магии, человек этого луча должен узнать всё о характеристиках семи отличительных типов каждой градации и вида силы и материи, так что перед экспертом третьелучевого знания весь мир расстилается, как огромная шахматная доска, на которой он может видеть силы и позиции всех фигур, и приспособить их к тому назначению в служении жизни, которое для него актуально. Все силы природы образуют великую математическую науку имеют свои средства, которые можно хорошо охарактеризовать словом "магнетические". Представляется довольно естественным, что халдейская религия со своей разработанной астрологией и практической астрологией, её Книгой Чисел, её

соединением древа познания с древом жизни и великим почтением к лунному богу принадлежала к третьему лучу.

4. Теперь мы переходим к рождению Гора, которое стоит особняком среди характеристик лучей и выглядит необычно, но всё прояснится, если мы вспомним, что было сказано в главе VIII о майе как воплощении Шивы, обеспечивающем связь между Вишну и Брахмой и вносящем гармонию в отношения между сознанием и материей. Когда Осирис был лишён своего царства, страдания народа под властью жестокого угнетателя стали очень велики, но Осирис возродился в собственном сыне Горе, который пришёл отомстить несправедливому и восстановить счастье. В египетской религии церемониальный плач по смерти Осириса был вполне реальной скорбью и олицетворял великую тоску по счастью (в нашей терминологии ананда), которого повсюду ищут люди, находящиеся в земных путях. Убийца Осириса Сет, восстающие элементы природы и тьма ночи, был побеждён Гором, который восстановил гармонию и в конце концов стал богом справедливых наград и наказаний. Гор также олицетворяет человека, существо в самом срединном состоянии, в котором высший дух и низшая материя находят своё место встречи, вступают в конфликт и обретают гармонию.

Всё это представляет очень большой интерес, и я постараюсь объяснить это полнее указанием на семь принципов человека. Четвёртый принцип — это то, что иногда называют антахкараной, что буквально означает внутренняя причина, инструмент или посредник. В некотором смысле над ней расположены атма, буддхи и манас, представленные тремя первыми принципами, а под ней — три принципа, исполняющие в составе человека роль пятого, шестого и седьмого. Термины, использовавшиеся для описания трёх последних, пришли в чрезвычайную путаницу, поскольку использовались разными авторами по-разному. Потому позвольте мне предложить набор терминов для удобства нашего нынешнего исследования. То, что обычно называется низшим умом, это — кама-манас, то есть ум с желанием, манас, интересующийся внешними вещами. Пожалуй, слово "кама" использовалось в слишком узком смысле для обозначения лишь грубых чувственных желаний, но оно означает всякое желание вообще. А желание есть обращённый вовне аспект любви — любовь к вещам трёх миров, тогда как собственно любовь есть любовь к жизни, к божественному, и принадлежит к высшему, внутреннему я. То, что обычно называется астральным принципом, это просто кама, хотя становится кама-рупой, когда образуется определённое астральное тело. Седьмой принцип заключён в эфирном двойнике, который иногда называют линга-шарира или тонкое тело.

Плотное физическое тело не является настоящим принципом человека — это просто часть внешнего мира. Его нельзя даже сравнить с рукой человека, но оно подобно инструменту в его руке, роль которой выполняет эфирное тело. Назначение физического тела — лишь нести в себе внутренние органы, в которых человек действительно функционирует на физическом плане. В таблицах семи принципов иногда указывается антахкарана, а иногда физическое тело, но ни в одной из таблиц ни даются и то, и другое. Мы можем составить три следующие таблицы:

1		2		3	
1	Атма	1	Атма	4	Монада
2	Буддхи	2	Буддхи	1	Атма
3	Манас	3	Манас	2	Буддхи
5	Низший манас (кама-манас)	4	Антахкарана	3	Манас
6	Астрал (кама-рупа)	5	Кама-манас	5	Кама-манас
7	Эфирное тело (линга-шарира)	6	Кама-рупа	6	Кама-рупа
4	Физическое тело	7	Линга-шарира	7	Линга-шарира

Как вскоре будет видно, первая таблица верно даёт семь принципов обычного человека, вторая — оккультиста, который ещё не достиг совершенства, а третья — адепта в момент его достижения. Принцип, изучаемый нами теперь, в первом случае действует через физическое тело, во втором — через антахкарану, а в третьем — через монаду.

Так что между монадой, антахкараной и физическим телом есть удивительная связь, но поскольку это несколько трудно уловить, я буду подводить к ней постепенно. Атма-буддхи-манас — это божественное в человеке. Это та часть человека, которая в действительности и эволюционирует — на пути испытания импульс получает каузальное тело, на первой части собственно пути (от первого до четвёртого посвящения) его получает буддхи, а на второй его части (между четвёртым и пятым) — атма. Потому его основная задача — на этих планах, но ему требуется нечто для выделения своих функций, подобно тому, как нужна пылинка как центр конденсации для капли тумана, или песчинка для образования жемчужины. Позже ему нужно будет становиться логосом, так что он должен научиться видеть мир изнутри (что для человека будет "снаружи"). Отсюда и необходимость его погружения в материю.

Ведь божественное не может войти во все материальные миры сразу, но должно осваивать их по отдельным точкам, и когда антахкарана соединяет определённую личность с божественным, эта личность становится такой точкой. Таким образом, в низшем человеке антахкарана служит заместителем высшего я. В каждом конкретном воплощении высшее я не имеет намерения продемонстрировать целиком себя и всё развитие, приобретённое в предыдущих жизнях. Что-то выбирается для особой цели этой жизни, и личности приходится довольствоваться не собственным развитием, а прохождением урока, нужного на данный момент. Это создание сиюминутности, а не вечности. Вот почему она должна полностью ввериться высшему, не имея абсолютно никакой надежды получить что-нибудь для себя, за исключением награды в дэвачане. Если она не делает этого, она становится противником высшего и не исполняет своего назначения.

На всё это и указывается в египетском мифе об Осирисе. Высшее я — это Осирис. У него есть своя работа в высших областях. Он не может оставаться внизу и вести войну с Тифоном, или Сетом, но он порождает для этой цели сына, Гора. Гор и есть антахкарана. Антахкарана — это единственное, что есть божественного в личности, и является маленьким воплощением своего собственного отца. В этом и объяснение выражения "рождение Гора".

Затем давайте заметим разницу между личностью и набором тел. Гору надлежит быть правителем личности. Он, так сказать, должен построить на земле царство, которое будет представлять своего отца. В таком случае тела будут притягивать те виды материи и приобретать те частоты колебаний, формы и привычки, которые соответствуют личности свыше. Гор тогда и будет той божественной личностью в человеке, которая в полной гармонии с тремя высшими принципами, утвердившись в царстве на земле, как и на небесах, и тогда образуется божественный тетрактис (одного вида).

Но имеется карма, с которой нужно работать — карма действий, совершённых в плотном физическом теле в предыдущих жизнях. Эта карма вмешивается, чтобы извне придать форму этому телу — через наследственность и другие факторы, — даже до его рождения.* Внешние предметы постоянно, многими способами ударяют в него с момента рождения и склоняют к выстраиванию другого типа личности. Тифон хочет стать правителем. Если он в значительной мере выигрывает бой, делая Гора пленником, мы имеем весьма несчастливое явление, установление "самостной личности".

* См. об этом "Чудо рождения" и "Духовное значение материнства" Джеффри Ходсона. — *Прим. пер.*

Но даже это поражение происходит не зря. Если высшее ещё не способно владычествовать среди опытов, которые приносит прошлая карма, это лишь указывает на то, что оно ещё в состоянии обучения извне, а не интуиции. Оно должно учиться на опыте, и иногда на горьком опыте. Но всякий опыт, который приносит карма, есть благо для эволюции души, и хотя он может приходиться под маской врага, в действительности он — лучший из друзей. Потому Тифон — не враг, а лишь ещё одна подмена — заместитель антахкараны, обеспечивающий упорядоченный континуум для подготовки к высшему, средство продолжения роста. Он — представитель владык кармы.

Теперь мы подходим к сути дела. Я сказал, что антахкарана — заместитель божественного, то есть высшего я. Это не совсем верно, но всё же, пожалуй, надо было так сказать, потому что это может провести нас к более глубокой истине. Божественное — это субъект опыта, тот, кто его переживает, а материальное — это объект. Эти двое не могут сойтись вместе посредством чего-то такого, что есть и в том, и в другом, но они соединяются, потому что оба — извлечения из большего целого. Давайте вспомним историю о столпе света. Вишну (второй логос, божественное) и Брахма (третий логос, материальное) не могут сойтись вместе, пока Шива (первый логос) не явится и не докажет им, что он превыше их обоих. Тогда оба становятся преданы ему и начинают работать вместе в

послушании ему. Он, однако, не остаётся с ними, а устанавливает между ними гармонию, обещая, что они увидят его вновь, когда их труды будут окончены. Гармония остаётся средством соединения между субъектом и объектом, познающим и познаваемым, божественным и материальным. Эта гармония есть майя; это — наша жизнь, которая есть подмена истинной жизни.

Таким образом, в человеческом существе антахкарана является представителем майи, и таковым же является физическое тело, точка опоры, через которую действует карма. А поскольку монада — первый логос в человеке, высшее я — второй логос (с тремя способностями), а низшее я — третий (тоже с тремя способностями), антахкарана представляет первый логос (монаду), пока совместная работа третьего и второго логосов не будет завершена. Когда она сделана, в антахкаране больше нет необходимости, поскольку человек завершил свой человеческий путь, и эти двое снова находятся в присутствии своего Господа (монады). Так по достижении адептства антахкарана перестаёт быть необходимостью, и даже "я" тогда становится лишь инструментом. Сознание уже более не сам человек, а лишь набор его способностей.

В качестве магии четвёртого луча указана хатха-йога. В Индии её основывают на теории соответствий и вере в то, что как ум влияет на тело, так и тело влияет на ум. Её приверженцы практикуют самый жёсткий контроль тела, но не путём причинения ему каких-то пыток или увечий (за исключением самых невежественных и суеверных последователей этого культа), а чтобы оно было в состоянии полного физического здоровья и совершенной стойкости, и воздействуют на эфирный двойник системой дыхательных практик. Всё это делается для обретения сиддхи, или способностей ума, или для достижения высокого сосредоточения. Египетская магия принимала в учёт не только тело, но великое разнообразие вещей, и действуя через символизм и соответствия производила результаты во внутреннем и внешнем мирах. Всё внешнее по-видимому имело для них внутреннее значение и воздействие, — так близко они соединяли внешний и внутренний миры как в своих мыслях, так и в своей жизни.

5. Для пятого луча в качестве характеристики упомянут огонь, а в качестве магии — алхимия, что ясно указывает, что это научный луч, на котором условиями успеха являются самая добросовестная правда и чистота. Агни, или огонь во всех его формах, имеет отношение к занятиям человека физикой, химией и другими областями как чистой, так и прикладной науки. Он связан с конкретным умом человека, а также с тем очень интересным фактом, что наука почти полностью зависит от чувства зрения, а потому — от посредничества света, тоже формы Агни. Если, например, нужно получить информацию о температуре какого-нибудь тела, учёный не станет пробовать его пальцем — он использует термометр, чтобы отобразить температуру видимым способом. Как всем известно, зороастризм есть религия огня и чистоты.

6. Характеристика шестого луча — "воплощение божества", а его магическая сила — бхакти, или преданность. Это полностью согласуется с нашей схемой, ибо бхакта, последователь этого луча, смотрит на Бога, как на благодать, воплощённую в предметном мире, а не как на абстрактных божеств, более привлекательных для людей других лучей. Христианство всегда было по большей части религией этого

типа, не пренебрегавшей богатством и процветанием как на земле, так и в жизни будущей.

7. По некоей неизвестной причине характеристика седьмого луча не была дана, — возможно, потому, что если указать в качестве неё красоту, то не было бы привлечено внимание к её глубинному характеру. Все отчёты об отношениях человека с великой эволюцией дэв показывают, насколько дорого этим существам всё прекрасное — в природе, искусстве, форме, цвете, звуке и во всех других видах. Особенно упоминается о том, как им приятны и как привлекательны для них восхитительные ароматы. Учитывая это, вовсе не неестественно, что магией этого луча должен быть церемониал, а пышные цвета, звуки и ритмические движения, которые почти всегда сопровождают ритуалы, могут улучшить психическую среду, или атмосферу для человечества, путём приведения дэв в более тесное соприкосновение с нами. Чувствительность к существованию невидимых существ в природе также привела к ранним формам этой деятельности, в которых человек контактировал с природными духами и дэвами через подходящие для этого церемониальные формы.

Часть III

ВЕЛИКАЯ ПОЛЬЗА И ОПАСНОСТЬ ЗНАНИЯ О ЛУЧАХ

О мудрый человек, отбрось представление о том, что не-дух есть дух, — говорит Шанкарачарья. Атма есть не-дух в своём конечном парабрахмическом состоянии; Ишвара, или логос, есть Дух; или, как объясняет оккультизм, совместное единство проявленных живых духов.

...

Хотя Ишвара есть "Бог", неизменный в величайших глубинах пралай и интенсивнейшей деятельности манвантар, всё же за пределами его есть Атма, вокруг обители которой — тьма вечной майи.

"Тайная доктрина"

Глава XIX ВАШ ЛУЧ

Это знание о лучах — лишь для тех, у кого есть идеал, звезда, сияющая на востоке, влекущая их непреодолимым очарованием, так что они не могут направить свой путь жизни иначе как к ней. Другие, ещё живущие ради сиюминутного удовлетворения тела, чувств и ума, пока что слуги майи, и довольствуются такими же проходящими удовольствиями, как и животные. Лишь тот, у кого есть этот незыблемый идеал, находится на пути к настоящей жизни, которая есть ананда, счастье, но даже он, если хочет быстро пройти свой путь, нуждается не только в

путеводной звезде своего идеала, сияющей над и перед ним во тьме ночи, но и в светильнике добродетели у своих ног, а также в силе, чтобы двигаться вперёд. Более того, чтобы пройти путь с величайшей скоростью, он должен определить, которой звезде ему предназначено следовать, и какой добродетелью и силой обладать — иными словами, он должен найти свой луч.

Это возможно, лишь когда его жизнь управляется изнутри. На днях я наблюдал двух шахматистов. Один с беспокойством, наморщив лоб, склонился над доской, и когда он делал ход, его пальцы дрожали. Другой откинулся назад, спокойно изучал доску, и когда он касался фигур, он делал это с естественной, незаметной грацией. Тот, кто хочет проложить путь к счастью, должен осознать, что жизнь — такая игра, и ничего более. Она — в месте встречи двух миров. Давайте назовём место, где я встречаю внешний мир, "моим миром". Это не весь мир, а лишь та часть его, в котором проходит моя игра, где вещи касаются меня и трогают меня через чувства, а я влияю на них своей мыслью. Во времени и пространстве есть много вещей, которые не касаются меня в ходе нынешней игры, и много вещей, которые за пределами достижения моих сил; но несомненно, есть область, которая является "моим миром", большая или меньшая соответственно тому, в какой мере я вышел в мир и взял его в свои руки — вошёл в игру жизни.

Все фигуры на этой доске — вещи для применения: король, ферзь, слоны, кони, ладьи и пешки — семья, богатство, слава, друзья, деловые связи, и даже тело, с его качествами здоровья и крепости органов и конечностей, чувств и мозга, а также с его привычками — физическими, эмоциональными и умственными. Игра для вас проходит в вашем мире, месте встречи скрытого "я" и большего мира. Сперва ваша позиция безопасна, но когда вы делаете ход, чтобы увеличить свои силы или воспользоваться ими, вы сразу же становитесь открыты для атаки. Ведь в мире, где действие и противодействие неразделимы, на каждый ваш ход будет сделан ответный ход. Хорошие и плохие позиции приходят и уходят, пешки и кони теряются, но вы не пропадаете, а учитесь ценить фигуры только за их полезность, и спокойно расстаётесь с ними, когда их жертва позволяет достичь лучшей позиции. Вы теряете слона, ладью и ферзя, но сами вы не пропадаете — даже когда потерян сам король, ваше тело, которое — ваша последняя фигура на доске. О нём не стоит сожалеть — если вы провели партию хорошо, вы будете сильнее в следующей.

События жизни никогда на самом деле не касаются вас самих; они воздействуют лишь на ваш мир. Когда вы, не имея мудрости, в тревоге склоняетесь над доской, вам кажется, что потеря пешки или ладьи — это рана, нанесённая самому вашему "я", но в действительности ничто из этого не касалось вас, а лишь вашего мира. Для спокойной и деятельной души все события благоприятны. Сядьте, откиньтесь назад, и вы увидите, что это так.

Я бы определил пять стадий прогресса человеческой души, и повсюду можно видеть людей на разных ступенях этой лестницы.

1. Положение откинувшись
2. Положение сидя
3. Положение наклонившись

4. Положение сидя

5. Положение откинувшись

Первая ступень — это стадия примитивного и непробуждённого человека (будь он цивилизованный или нет), ленивого и ничем не интересующегося, и побуждаемого к действию только сильными ударами судьбы. Вторая — ступень человека, узнавшего, что в мире есть много очень приятных вещей, полного интереса к ним и даже жадного до них. На третьей стадии он ещё полон желаний, но обнаружил, что мир полон опасностей и за всё приходится платить, что у мира свои законы, и он беспокоится, как ему провести утлый корабль своего существования через пороги жизни. На четвёртой стадии человек ещё погружён в игру, но он играет с достоинством, даже если глубоко переживает все приобретения и потери; но на пятой он играет, как бессмертный, который всегда знает и чувствует, что не может не выиграть в большей игре, в которой эта — лишь одна небольшая партия, потому что всё время он становится сильнее. Он уже освободился от беспокойства, неудовлетворённости и негодования; и надежда, и страх уже покинули его, и он уже не отдаёт себя на милость событий, и не надеется, что его оппонент сделает такой ход, какого ему хочется. Что бы ни случилось, он не теряет спокойствия, он ведёт игру, как бы откинувшись назад, к себе самому, и его скрытая сила напоминает силу прыжка тигра. Все другие люди разделяют вселенную своего опыта на две части — "я" и "мир", тогда как он различает три практические части — "я", "мой мир" и "мир". Ему нечего бояться в мире, опасность может исходить лишь от его самого, и его единственная забота — быть осмотрительным при использовании своих сил и никогда не позволять им впадать в спячку.

Если это положение в некоторой мере уже достигнуто, возникает вопрос: так как же выяснить свой луч? Какие-либо правила для этого изложить невозможно, но есть определённые вопросы, которые, если вы поставите их перед собой, помогут интуиции спуститься в мозг. В настоящее время у вас может быть сильная склонность к учению, искусству или филантропии, но возможно, что это временная фаза, интерес, стимулированный средой. Сначала спросите себя — как вам кажется, каким именно образом великая наука теософии освободила вашу душу от стискивавших её ограничений? 1) Не открыла ли она бесконечный победный путь для триумфального прогресса стремящейся души? 2) Не убрала ли она препятствия для вашего солнечного сердца, чтобы оно расширилось на всю вселенную? 3) Не устранила ли она путаницу в уме, который пытался понять, как всё входит в единый всеохватывающий план? 4) Не показала ли она вам, что духовное назначение есть даже у самых тёмных мест жизни, и что в совершенстве должно найтись законное место даже для всех несовершенных вещей? 5) Не обещала ли она вам время и возможности для совершенствования в знании, 6) или бесконечное поле соприкосновения со всем тем, о чём можно только помыслить как о самом великолепном, 7) или уверенность в предельном совершенстве в том искусстве, для достижения которого не хватило бы всей энергии вашей жизни? Поразмышляйте над этими вещами, при этом нисколько не желая, чтобы ваш луч оказался там или иным, — и интуиция может заговорить.

Опять же, вы можете спросить себя, оглянувшись назад, каково было ваше влияние на других. Это может вам кое-что сказать, поскольку всякий человек даёт

то, что у него есть, и ничего другого. Стали ли другие благодаря встрече с вами сильнее и способнее встретить приключения, которые готовит им жизнь? Пробудили ли вы в них большую чувствительность к жизни, не являющейся их собственной и проникающей весь мир? Помогли ли вы им понять изнутри себя загадку бытия? И всё это удалось даже без мысли об этом с вашей стороны, просто потому что вы с ними были? И как учил вас мир? Если он учил вас на опыте, давая ясные и чёткие уроки, то вы, вероятно, сначала действовали, а потом думали о произошедшем, но если мир мягко помещал перед вами вещи на ваш выбор и ваше рассмотрение, то вероятно, имеет место противоположный случай.

И прежде всего, чего вы хотите в глубине души? Отбросьте все свои желания и спросите себя, чего же вы действительно хотите, но не принимайте любого поверхностного ответа, а спросите себя, почему вы дали такой ответ, и какая более глубокая потребность остаётся за ним. Если у вас есть поверхностные предпочтения, пристрастия или отвращения, то в случае любого из лучей это исказит ваше видение истины. Вы должны быть абсолютно готовы принять от интуиции всё, что она даст, и не подвергать ответ сомнению в надежде, что он должен быть тем или другим.

Затем вы можете сузить область поиска путём рассмотрения трёх способностей ума. Которая из них предлагает вам большинство решений, и какая побуждает к активному существованию другие способности? Ищете ли вы знания и силы, потому что любовь заставляет вас хотеть служить Богу или своим собратьям? Или вы ищете компании других и возможностей жизни ради понимания? Или энергия "я", которое должно жить полной жизнью, посылает вас в гущу битвы жизни, потому что жизнь есть жизнь и должна быть прожита с избытком? А когда вы вглядываетесь глубоко внутрь, находите ли вы неукротимое стремление к цели, которое постоянно толкает вас вперёд, или же неиссякающую любовь, всегда готовую обнять жизни других, или же непрекращающееся искание безупречной истины?

Также проверьте себя своими неудачами. Есть три великих духовных закона, которых настоящий человек никогда не должен нарушать: он должен быть пробуждён и применять свои силы; он должен быть правдив по отношению к себе и к другим; он должен быть полон любви. Если он стремится к высшему, то неоправданно и непростительно (хотя он всё равно будет делать это, правда со временем меньше и меньше) в любое время жертвовать одним из этих принципов ради другого в конфликтах, связанных с долгом в практической жизни. Чем же вы жертвовали в прошлом? Вы были неправдивы, чтобы быть добрыми, или своей верностью истине вы причиняли боль, или с благими намерениями продвигаясь вперёд в каком-то деле, которое казалось вам жизненно важным, позволяли себе по пути пренебрегать любовью или истиной? Принцип, которого вы держались, может указать на ваш луч. Кроме того, к чему вы больше склонны — к гордости, гневу или страху? Но всё же всё это может лишь оказать помощь, на одну которую нельзя полагаться, потому что знание должно прийти изнутри.

В этих усилиях по определению своего луча также необходимо не сравнивать себя с другими. Может оказаться так, что в понимании вы слабее многих других людей, которых вы знаете, и тем не менее это будет самой сильной чертой вашего

характера, а другие принципы будут ещё слабее. Может быть и так, что луч какого-то человека — любовь, но он окажется сильнее даже того, кто принадлежит к первому лучу. Вопрос не в том, каково ваше положение в сравнении с любым другим человеком, а в том, которое из начал является предводителем сил внутри вашей собственной души. Совершенный человек в самом слабом из своих принципов столь же силен, как ещё несовершенный — в самом сильном своём принципе, ибо в каждом из них он достиг всего, что только возможно для живущего в человеческой форме.

Когда вы выбрали свою путеводную звезду, то светильниками, помогающим вашим ногам пробираться через запутанные бурьяны жизни, и силами, которые позволят вам двигаться быстрее будут следующие принципы:

Луч	Звезда	Светильник	Способность	Работа
1	Свобода	Смелость	Воля	Управление
2	Союз	Любовь	Любить	Филантропия
3	Понимание	Истина	Мышление	Философия
4	Гармония	Смелость	Воображение	Интерпретация
5	Истина	Истина	Мышление	Наука
6	Благость	Любовь	Любить	Религия
7	Красота	Смелость	Воля	Искусство

Иногда дело ещё больше усложняется присутствием в характере сильного второго начала. Конечно, у каждого луча есть семь подразделений, а у каждого из них — опять семь, но их мы не рассматриваем, потому что внутри каждого начала его основные характеристики преобладают над этими оттенками, в точности как все оттенки жёлтого — желты, а зелёного — зелены. Но может быть так, что второе по силе начало обладает сильным и ясным голосом, и в некоторых жизненных обстоятельствах столь же заметно, как и первое. К термину "подлуч" прилагались разные идеи, но здесь я хочу использовать его для указания этого второго по силе принципа.

Глава XX БЕЗОПАСНЫЙ ПРОГРЕСС

Цель нашей жизни на данном этапе — развить наше сознание, или, вернее, сознательные способности до возможного для человека совершенства, и для достижения этой цели знание о лучах чрезвычайно полезно. Когда человек знает, каков его луч, то он открыл самую сильную свою способность. Используя её, он будет двигаться вперёд очень быстро, с результатами великолепными или катастрофическими, в зависимости от того, какой случай имеет место. Главным

образом из-за связанной с ним опасности, которую трудно переоценить, это знание о лучах не выдавалось, пока те, кто скорее всего станут его получателями, не научились многому о природе человеческой жизни и реальности братства. Если человек наполнен одним идеалом, отождествляет с ним свою жизнь и чувствует в себе его силу, у него появляется искушение вести одну эту линию и пренебрегать своими слабостями; и во всех таких случаях усилия по продвижению почти обязательно оканчиваются крушением. Как это происходит, достаточно проиллюстрировать на одном или двух простых примерах. Если, находясь на научном луче, человек доискивается только истины, а любви и благоговения в его природе мало, такой стремящийся скоро начнёт ставить эксперименты не только над животными, но и над людьми. Опять же, если человек обладает способностью к филантропии и стремится с огромной силой в этом направлении, но ему нехватает обоих видов разума, то в своём рвении облагодетельствовать человечество он может сделать величайшие глупости и даже вызвать революцию и кровопролитие, если у него достаточно сил.

Великая польза знания о лучах как раз в том, что вы должны найти и ощутить свою силу, а затем максимально приложить её для развития в себе других качеств, которых недостаёт. Читавшие мою небольшую книжку "Выстраивание характера"* вспомнят, что все сильные человеческие пороки указывают на какой-то недостаток в характере вкупе с определённой силой. Характер, слабый во всех отношениях, неспособен сделать что-либо значительное, и такого человека обычно считают хорошим, хотя трудно будет сказать, чем же он хорош. Потому, если у человека есть какой-то "положительный недостаток", он не должен пытаться подавлять эту свою способность и говорить "у меня слишком много чувств, или энергии, или воли". Пусть он скажет "у меня большая сила воли, но бедная палитра человеческих чувств, и я должен применить свою силу воли, чтобы заставить себя быть среди людей, думать о них и постоянно им помогать, пока мои человеческие эмоции не достигнут более высокого уровня". В этом случае и во всех подобных ему человек много приобретает и ничего не теряет, поскольку он при этом развивает силу воли так же, как если бы он использовал её для эгоистических целей, но в то же время он развивает и любовь. Конечно, трудно изменить свои мотивы, но человек, осознавший, что цель человеческой жизни — выстраивание характера, и верящий в перевоплощение, скоро обнаружит, что все более мелкие мотивы затухают, и что делая лучшее для себя, он входит в более широкие и благотворные отношения с другими людьми.

* E. Wood, "Character Building".

Тот же принцип можно приложить и во внешних, социальных отношениях. Лучи — это не какие-то отдельные лестницы, по которым люди взбираются отдельно друг от друга. Вместе они образуют организм. Так что человек какого-либо луча может быть верен себе и использовать собственные силы, действуя не для удовлетворения своих амбиций, а для способствования целям других, если они благие и являются целями души. Как глаза работают для удобства рук и ног, а ноги переносят руки и глаза, так и учёный, в ипостаси инженера и архитектора, может строить храм для бхакт, а художник — планировать и украшать жилище или сад философа.

На этом пути продвижения к совершенному сознанию человеку вовсе нет необходимости уделять внимание всем семи лучам и пытаться совершенствоваться в каждом. Но он должен стараться совершенствоваться в трёх, один из которых выражает силу воли, другой — любви, а третий — мысли. Таким образом, если он хороший философ, он не должен беспокоиться о том, чтобы стать специалистом в науке, а если он особо привязан к искусствам седьмого луча, то ему не нужно особо заботиться о работе первого луча. Однако тот, у кого сильнейшее начало — четвёртое, может полагать, что его недостатки лежат скорее в области второго или шестого, и третьего и пятого лучей, чем в области первого или седьмого, поскольку между первым, четвёртым и седьмым лучами есть сильное сродство, равно как между третьим и пятым, или вторым и шестым.

Однако рекомендуется, чтобы во всех случаях по крайней мере одна из избранных линий самообучения была в группе трёх первых лучей, а другая — в группе от пятого до седьмого; это придаст характеру более совершенное равновесие и не даст стремящемуся слишком сторониться мира или слишком погружаться в него.

Я говорил о втором по силе начале как о подлуче человека. Если эта вторичная характеристика окажется в той же группе, что и его луч, как например луч два и подлуч три, или луч пять и подлуч семь, это также даёт склонность к неуравновешенному характеру. В таком случае человеку вполне можно посоветовать выбрать третье из качеств, над которыми он будет работать, из другой группы, и вкладывать в его развитие всю силу своего луча.

При выборе трёх линий подготовки никому нельзя совершать насилия над своими склонностями. Первым выбором человека должно быть его лучевое качество, а вторым, вероятно, будет то, что я назвал его подлучом, вторым по силе началом, а затем он должен будет выбрать, что ему больше всего нравится из оставшегося после того, как применено правило, которое я описал. Тогда ему не нужно будет бояться самого быстрого прогресса, на который он только способен; свой третий выбор он будет считать своей самой слабой стороной и будет пользоваться своей самой значительной силой для его намеренного развития.

Чтобы прогресс был наиболее быстрым, необходимо также понимать два великих закона, которые постоянно ему способствуют. Как в мире опыта есть два предельных принципа — великое активное начало, Вишну, и великое пассивное начало, Брахма, — так есть и два великих закона, принадлежащие этим началам, называемые соответственно *дхарма* и *карма*, и оба они действуют для развития сознания.

Закон кармы часто считают наложением наказания на тех, кто причинил боль или трудности другим, но такое описание не передаёт его истинного характера. На самом деле это схема в гармонии вещей, благодаря которой человек обучается извне тому, чему он пренебрегал учиться путём использования способностей своего сознания. Это способ природы настоять на том, что человек должен быть ответственным и выполнять свой долг, который он приобрёл развитием своих способностей. Я могу вернуться к примеру с игрой в шахматы. Вы сделали некоторые ходы и приобрели определённую позицию, и при честной игре вы не можете отказаться делать следующий ход просто потому, что вам не нравится, как

идёт игра или вы чувствуете сонливость и хотите прекратить её. Вы не можете быть пассивными, но должны под угрозой наказания продолжать игру жизни, правосудие которой не простит никакой бесчестной небрежности с вашей стороны. Мир наказывает праздность, эгоизм и бездумность, и никакая невинность не спасёт человека от попадания под автомобиль, если он станет переходить Пикадилли или Пятую авеню с закрытыми глазами. Таков закон наших отношений с этим материальным миром, и это в точности тот же закон, который заставляет нашу руку обжигаться, когда мы суём её в огонь, а не пользуемся своим разумом, чтобы сначала выяснить природу огня более осмотрительным способом. Потому не может быть пассивности, всякий стремящийся на этом пути должен быть готов уделять внимание тому, что именно ставит перед ним мир, и должен быть уверен, что в этом — урок, специально для него предназначенный и необходимый для его дальнейшего роста. Либо добровольным использованием этих возможностей человек будет развивать способности воли, любви и мысли, либо он будет принудительно научен извне, причём с болью, если это потребуется. Хорошо было сказано Эмерсоном:

Каждый день корабль приносит,
Всяк корабль приходит с вестью.
Хорошо тем, кто бесстрашен,
Глядя в море, знать и верить,
Что корабль идёт с той вестью,
Что они хотят услышать.

Частью этого закона является и то, что человек получит вред и пользу, которые он принёс остальным, но это вовсе не наказание, а лишь обучение. Человек, который может намеренно ранить другого, сам нечувствителен к чувствам и благополучию других, а потому нуждается в сильном опыте, который заставил бы его чувствовать; или же если он был бездумно глуп, ему, чтобы он обратил внимание, понадобится более явный опыт ещё раз. Немноги те люди, которые сожалеют о своей глупости без этого урока. "Если бы я служил своему Богу хотя бы с половиной того рвения, с которым я служил своему королю, он бы в моём возрасте не оставил меня беззащитным перед моими врагами", — сказал Уолси, и его метод обучения является вполне типичным случаем. Этот кардинал не только пострадал от бичеваний, которые он раздавал другим, но и получил некий проблеск мудрости, видение того, что было бы желательно в жизни. Нет ничего зорного в том, что он не смог видеть этого, пока жизнь сильно не ударила его — таковы её пути. Ведь на самом деле цель воплощения — не получать удовольствие от уже приобретённых способностей, а развивать те, которых недостаёт, и закон кармы всегда действует, обеспечивая те внешние условия, которые лучше всего могут восстановить равновесие разных сторон характера. Когда карма мешает нам делать то, что мы хотим, поскольку мы могли бы это сделать хорошо и легко, она не враг, а друг, указывающий нам верный путь роста.

Потому для того, чтобы сделать наибольший возможный прогресс, человек должен не только охотно принять игру, которую он находит на доске жизни, и быть готовым играть до конца, с любой позицией и с любыми фигурами, какие у него окажутся, но он должен делать это с радостным принятием и самым искренним сотрудничеством, не желая себе игры какого-то другого человека.

"Каждый человек достигает совершенства, — говорит Бхагавад-гита, — побуждаемый к тому своей собственной кармой".

Другой закон, дхарма, есть закон эволюции сознания, а на самом деле иной эволюции и нет, поскольку все формы природы просто построены вокруг развивающегося сознания. Дхарма человека есть его положение на лестнице сознательной эволюции, и главная часть этого закона состоит в том, что силы любви, воли и мысли растут их применением, и не иначе. Потому для каждого человека применять свои силы, даже если они незначительны, вместо того, чтобы отшатываться от их использования, потому что он не может пока достигнуть стандарта других, которыми он восхищается — проявление мудрости. Никакой рост не придёт к нему ни путём ожидания, ни путём попыток выполнить задачу, к которой его силы ещё не приспособлены. Давайте снова обратимся к Бхагавад-гите: "Лучше своя дхарма, пусть невеликая, чем успешная дхарма другого. Кто исполняет карму, предписанную его собственной природой, не совершает греха".

Одной из черт закона кармы — то есть отношений человека с окружающим миром — является то, что следуя деятельности одного из лучей, он в то же время развивает качество луча находящегося в соответствии с ним. Например тот, кто стремится к красоте путём какого-либо из искусств, в то же время развивает волю и самоконтроль, характерные для первого луча. Тот, кто следует путём преданного служения, например, Христу, будет приведён во всё более широкие поля человеческого братства. Тот, кто стремится к истине как учёный, также станет в чём-то и философом. Кто берётся за работу со старанием, стремясь достичь величайшего мастерства, и применяет волю, испытает опыт красоты и интерес к ней, потому что, как я сказал ранее, искусственность в действии всегда прекрасна, как причина красоты. Тот, кто следует человеческому братству, может начать с обычных товарищеских чувств, но в результате он оценит тех, кто выше по развитию и является старшими братьями человечества, и станет предан им. А философ, стремящийся постичь отношение человека и мира, окажется в царстве науки.

Это видно и в прогрессе наций. Большая склонность нашей нынешней подрасы к науке постепенно выливается в философию и развитие высшего ума, и это уже заметно в Америке, где люди поклоняются изобилию и процветанию и несдержанны в своём восхищении всем великим. Ум шестой подрасы там уже ощущает великое чувство братства, как, пожалуй, нигде в мире. Когда в пока ещё отдалённый период зрелости этой подрасы братство проложит свой путь в мир, подобно тому, как наука достигла огромных успехов в пятой подрасе, проникнув даже в мелочи домашней жизни, то можно предсказать, что всё, что останется сделать людям в седьмой — это сделать жизнь во всех отношениях и во всех частях прекрасной, а это свершение позволит достичь великой силы воли, и наслаждение внешней свободой сделает возможной ту просвещённую анархию, которая невозможна, пока не сыграло своей роли братство.

Эмерсон писал: "Близка нам и относится к нам та древняя притча от сфинксе, который сидел у дороги и загадывал загадки всем проходящим. Если человек не мог ответить, сфинкс съедал его живьём. Что наша жизнь, как не бесконечный полёт крылатых фактов или событий? В великолепном разнообразии приходят эти изменения, и все задают вопросы духу человеческому. Те, кто не могут высшей мудростью ответить на эти факты или вопросы времени, служат им. Факты обременяют их, становятся для них тиранами и делают из них тех людей рутины и рассудка, в ком буквальное подчинение фактам затушило всякую искру того света, который делает человека поистине человеком. Но если человек верен своим лучшим чувствам, или интуиции, и отказывается от тирании фактов как существо высшего рода, крепко держится своей души и видит суть, тогда факты подходяще и тонко занимают свои места; они узнают своего хозяина, и даже самый захудалый из них прославляет его." Это указывает на то, что, как я сказал ранее, человек относится к сознанию, и если он будет положительно стоять на этом, ему не нужно ничего бояться, и всё у него будет хорошо. Важно, однако, осознать, какая часть того, что человек обычно считает собой, в действительности является лишь фрагментом внешнего мира. Давайте проанализируем человека и посмотрим.

Во-первых, у человека есть набор материальных тел — физическое тело, а также соответствующие тела на тонких планах. Они обеспечивают для сознания ограничивающий инструмент, и приход в воплощение есть определённо акт концентрации. Как я объяснил в своей лекции о психологии личности и подсознательном уме, тело буквально есть камера-обскура — тёмный ящик. Оно не представляет нам мир, как обычно полагают. Органы чувств тела, однако, смягчают в некоторой степени эту функцию затмения. Они впускают в сознание чуть-чуть света из мира, и по этой причине на экране ума образуется очень ясный образ. Видение принадлежит сознанию, а ни в коем случае не ящику, и это сознание открыто миру и способно видеть его весь, кроме того случая, когда оно вошло в эту камеру, чтобы сосредоточить большую часть своего внимания на одном малом лучике света. А сознание, открытое миру, имеет самое смутное и неопределённое чувство всего его — это великий неразвитый бессознательный ум, но с чёткими и сияющими точками в нём, происходящими от тех ярких и живых опытов, которые он получил через камеру тела.

Естественным следствием этого является то, что в теле человек имеет дело с вещами поочерёдно, одна за другой; он в этом теле вовсе не развивается, и тело не развивается, а проходит через серию изменений, подобную смене времён года, и всегда что-то теряет, как и приобретает. Дело обстоит не так, что в среднем возрасте человек совершенен, а ребёнок и старик несовершенны. У ребёнка и старого человека есть свои совершенства, которых в возрасте зрелости человек не имеет. Это также подобно опыту ребёнка в школе, который в ходе дня получает полдюжины уроков по разным предметам в разных классных комнатах. Завтра он снова пойдёт в эти же классы и в каждом из них научится большему, чем мог в предыдущий день, потому что в царстве знания "кто имеет, тому дано будет и приумножится", и сила ума увеличивается день за днём. В будущих воплощениях, поскольку каждый из нас снова проходит через "времена года" своей жизни, он будет успевать лучше в каждом из них и будет богаче сознанием. И по мере того, как становящееся сильнее сознание становится способным удерживать больше

вещей, органам чувств тел станет возможно расширить свой кругозор, пока наконец, достигнув совершенства, оно не станет открыто всему миру, видя без глаз и слыша без ушей, готовое войти в трансцендентальное состояние сознания Вишну.

Но пока этот великий день не наступил, каждый воплощённый человек должен в конце концов примириться с тем, что для него, как для личности в теле, нет прогресса и нет приближения к совершенству. В то время как он изучает одну вещь в одном классе сейчас, то, что он изучал час назад в другом классе, в значительной мере уже скрылось из виду. Его дело — жить из часа в час, проводя каждый с наибольшей пользой. Сама цель его воплощения — приобрести нечто новое, и этому уделяется всё внимание его чувств, эмоций и мыслей, а та часть его самого, что так в это вовлечена, видится и чувствуется как вещь среди других вещей.

Вторая вещь в нашем анализе — это личность. Это не набор тел, но нечто, что выросло вместе с ними. Новорождённый ребёнок, хотя он чувствует, желает и даже думает через тело, поначалу не имеет личности, но мало-помалу он становится вовлечён в "третье лицо" и думает "я — это", и с годами, с ростом тела, это становится вполне определённой вещью. Физическое тело тренируется определённым образом и приобретает набор привычек; к нему присоединяются и наборы привычек эмоциональных и умственных, присущих астральному и ментальному телам, и вот всё это образует выраженную личность, определённым образом реагирующую на мир. Это не сам человек, и правильным местоимением для обозначения этого будет "оно".

Эта личность является или должна быть инструментом, чем-то хорошим, утончённым, сильным, чистым, определённым и пригодным для конкретного жизненного пути, на протяжении которого через него будет приобретаться чёткий и ценный опыт. Но это должен быть также и инструмент, через который сам человек сможет мыслить, любить и изъявлять волю; он должен не просто привычно откликаться на внешние вещи, но и быть также открытым к человеку внутри.

Позвольте мне проиллюстрировать этот процесс. Если человек, который хорошо пишет или играет в теннис правой рукой, заставит себя научиться так же хорошо писать или играть левой, то это принесёт ему выгоду в некоторых отношениях; и если бы мы могли представить личность человека живущей огромный промежуток времени в одном теле, мы бы сказали, что эти достижения стоили бы затраченного времени как часть его совершенствования. Учась пользоваться левой рукой, он бы практиковал концентрацию, что потом пригодилось бы для чего-нибудь ещё. Так происходит в воплощении; истинный человек — это умелый игрок правой рукой, но личность должна научиться использовать всё своё время, она не должна тратить своё время на демонстрацию того, что уже достигнуто и наслаждение этим; она должна позволить внутреннему человеку использовать её для приобретения новых способностей. При таких обстоятельствах всякие личные амбиции (санкальпа, как это называется на санскрите) обязательно делают личность менее полезной для сознательного существования и исполнения целей внутреннего человека.

Если личностный человек решит проживать всякий момент, выполняя работу внутреннего человека, и жить ради его идеалов, то он и есть тот истинный человек, но если он воображает, что сам по себе что-то представляет и развивает мнение, что он станет ещё больше, то завтра он уже обречён. У него не должно быть жадности ни до чего, даже до знаний. В Боливии индейки и метиски демонстрируют своё общественное положение и богатство тем, что надевают за раз так много юбок, как только возможно. Такая форма величия никак не возвышает их самих и не является хорошим примером для других. То же верно и для личности, которая пытается быть ходячей энциклопедией. То, что требуется личности — это такое богатство и знание, которые позволят ей исполнять тот тип работы, для которого она пришла в мир, и когда видишь личности, берущие на себя большее, сразу вспоминаешь этих боливийских женщин и их юбки. В том, что мы видим в хорошей собаке, кошке или лошади, есть что-то от идеала личности — она может быть поистине прекрасной без всяких излишеств и украшений, которые были бы вполне уместны где-то в другом месте.

Третий элемент в нашем анализе можно назвать самостной личностью. Если сознание человека настолько погрузилось в личность, что думает "я — это", исключая всё иное, тогда личность узурпирует трон внутреннего "я" и жизнь проживается в интересах продолжения существования этой личности и удовлетворения её физических, эмоциональных и умственных удобств и амбиций. Тогда человек идеалов, истинный человек, до конца воплощения остаётся на голодном пайке. Личность — хорошая вещь, но самостная личность — величайшее проклятие.

Четвёртый элемент анализа — это сознательный человек, чей истинный интерес в жизни — в деятельности одного из описанных мною лучей, в следовании одному из идеалов. В той мере, насколько он сможет уничтожить самость личности, в то же время сохраняя личность сильной, его жизнь в воплощении будет плодотворной. Каждый человек может проверить себя. Пока он полон своим идеалом, всё хорошо, но если он скатится к самостной личности, то он пропал. Проверяя это, пусть он спросит себя не только о том, что занимает его ум, когда он думает, но ещё более — о том, что занимает его ум, когда он этого не делает. Трудоемкой тренировкой и самоочищением он сможет создать в личности такие существенные эмоциональные и мыслительные привычки, что во время своего отдыха она будет раскрыта скорее вовнутрь, чем наружу, интересуясь идеалами, а не просто личностными вещами.

Местоимение, прилагаемое сейчас к человеку, это "вы". О нём нельзя думать как о некой предметной вещи; чтобы быть познанным, он должен быть почувствован как жизнь, будь то им самим или кем-либо другим. Именно здесь можно найти собранные плоды трудов личности. Здесь есть нечто такое, что развивается в способностях, так что в одном воплощении оно может удерживать за раз (волей, любовью или мыслью) или выражать в одном акте бытия количество вещей, которое в прошлой жизни с трудом схватывало по одной. Это "вы" на протяжении всех материальных изменений остаётся тем же сознанием. Материальная вещь не может измениться и при этом остаться той же самой, по причине своих пространственных ограничений, но это сознательное "вы" может оставаться тем же на протяжении перемен, при которых ваши мысль, чувство и воля приобретают

всё более широкий кругозор, постоянно охватывая всё большую часть материального мира.

И всё же это сознание в свою очередь не есть "Я" — даже в тот момент триумфа, когда оно уже за пределами необходимости человеческих воплощений. "Я" должно научиться знать его как "вы", одно из многих "вы", которые являются частями великого активного начала. За пределами "вы" есть "Я", адхьятма, и это "Я" делает нас на протяжении всех движений сознания во времени всегда едиными с Шивой. Но и тогда не считайте своё сознание своей истинной жизнью, не воображайте, что это нечто такое, что позволяет вам жить, ибо на самом деле даже высшее сознание — всего лишь ограничение: это лишь тело, которым исследуют время, "Я" же — вне его. Вот почему некоторые из древних философов говорили, что "Я" и Бог — едины и то же самое, и всё же говорили "нет, нет" (не то, не то), когда кто-либо пытался описать Бога или Я в понятиях материи или даже сознания. Даже человек, не различающий своё тело и своё сознание, сознателен; а также и тот, кто не знает, что он знает, что Я есть Я, даже среди сознания, которое он ошибочно принимает за своё я. Это "Я", которое одно и то же на протяжении всех трёх периодов времени, наблюдающихся в изменяющемся сознании. Быть тем самым Я вне сознания для того, кто ещё не махатма, — это настоящий сон, тот глубокий сон, из которого возвращаются радостными, ощущая необъяснимое счастье. Но то, что для других сон, для махатмы — бодрствование.

Все вдумчивые люди могут получить некий проблеск постижения этого Я, если будут медитировать в следующем направлении. Когда они смотрят на свои и чужие тела, они могут сказать о каждом из них "это". Когда они смотрят на сознание в другом человеке, они назовут его "вы", но когда они смотрят на сознание в самих себе, они назовут его "я". Зачем же называть то же самое по-разному? Некоторые делают ошибку, думая, что они должны сказать "Я" для обозначения сознания в другом человеке. Это иллюзия высшего я. Они должны научиться говорить "вы", когда рассматривают сознание в себе. Тогда "Я" останется нетронутым контактом с двойственным миром, и человек будет махатмой. Именно таким образом Шри Шанкарачарья использовал "вы" Гаутамы Будды.*

* См. Е.П. Блаватская, "Тайная доктрина", т. III, раздел "Тайна Будды". — *Прим. пер.*

Узревший эту истину или осознавший её, оглядываясь на свой человеческий путь, увидит, что личность и тело были частью материального мира. Вы — часть мира сознания, часть чего-то, что не было вашим истинным "я", но было великим сознанием, которому нельзя назначить пределов. Это здесь находится урожай всех посевов, что были сделаны в пределах личности. Каждое новое достижение приносило расширение сознания, так что оно становилось ещё большей частью вселенского сознания, чем было раньше. В нём вы были частью Вишну, как в личности — частью Брахмы. Но каким бы великим ни стало расширение вашего сознания, даже это — не предел.

Наконец, в результате опытов в мире Брахмы, сознание может распространиться на всех лучах настолько, насколько простирается в этом мире имманентность

Вишну, благодаря добрым услугам майи. Но на втором луче можно расширяться ещё больше и стать частью трансцендентального аспекта Вишну. И ещё дальше можно пройти на первом луче в воле Вишну, в которой он в свою очередь един с самим Шивой. Здесь и есть порог истинной нирваны, когда человек поднимается над сознанием, как задолго до того он поднялся над материей, и с этого момента вы будете больше не "вы", а "Я", и вселенная становится "Я".

Тем, кто учит: "нирвана — конец", отвечайте: "Вы лжёте!"

Тем, кто учит: "нирвана есть жизнь" — "Заблуждаетесь вы,

Света, что за лампой разбитой сияет, не зная,

И блаженства, в котором ни жизни, ни времени нет".

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ САНСКРИТСКИХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ЭТОЙ КНИГЕ

Ананда — счастье, состояние истинной жизни.

Ананта — бесконечное время, основа сознания.

Атма — иччха в человеке.

Брахма — третье лицо божественной троицы; мир вещей.

Брахман — Бог, включая истинную жизнь, сознание и вещи.

Буддхи — джняна в человеке.

Бхагавад-гита — Песнь Господня, религиозный и философский трактат, широко используемый индусами.

Бхакти-йога — единение с божественным путём любви и преданного служения Богу.

Виджняна — знание.

Вишну — второе лицо троицы. Мир сознания.

Джняна — мудрость сознания. Её активная форма — любовь, восприимчивая форма — сознание сознания.

Дхарма — положение души на лестнице эволюции; закон её раскрытия.

Дэва — божественное существо какой-либо степени; сияющий изнутри. Вишну — высший дэва, архетип их всех.

Иччха — воля в сознании. Её активная форма — воля, восприимчивая форма — сознание себя.

Йога — союз с божественным; средство достижения этого единства.

Карма — работа; действие с намерением. Также закон возвратного действия.

Кришна — великий духовный учитель Бхагавад-гиты, воплощение Вишну.

Крия — деятельность сознания. Её активная форма — мысль, восприимчивая форма — сознание вещей.

Крияшакти — сила мысли.

Лакшми — богиня процветания, супруга Вишну. Особо связана с шестым лучом.

Майа — наша жизнь, подмена реальной жизни; мир отношений между читом и сатом.

Манас — крия в человеке.

Раджас — энергия, составляющая мир вещей.

Санньяси — тот, кто намеренно оставляет майю.

Сат — бытие, характеристика мира Брахмы.

Саттва — закон и порядок в мире вещей; мир фиксированных идей или материальных архетипов.

Сваямбху — самосуший; имя Бога.

Тамас — материя, составляющая мир вещей.

Чит — сознание.

Шива — первое лицо троицы; реальная жизнь.

Перевод К.З.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

